

Александр Козан

ТОНКАЯ ФАЗА И КОЕ-ЧТО ЕЩЕ

Александр Коган

**Тонкая фаза и кое-
что еще (сборник)**

«Accent Graphics communications»

2014

Коган А.

Тонкая фаза и кое-что еще (сборник) / А. Коган — «Accent Graphics communications», 2014

Фантастические пьесы – комедии. В книгу вошли четыре фантастические комедии, в которых с тонким юмором описываются неординарные, порой забавные, порой вызывающие философские раздумья события.

Содержание

Майские эксперименты, или Тонкая фаза	6
Пролог. 1995 год	7
Эпизод 1. Встреча старых знакомых	7
Эпизод 2. Квартира Кранкензона	8
Эпизод 3. Камера в СИЗО	8
Эпизод 4. В кабинете дежурного и во дворе СИЗО	9
Эпизод 5. В городе	10
Эпизод 6. Квартира Кранкензона	10
Взлет и падение НИИ Спецсон	12
Эпизод 7. Областной комитет правящей партии	12
Эпизод 8. Вчерашний пленум	12
Эпизод 9. Действие возвращается в кабинет Охрименко во время его беседы с Маркизовым	13
Эпизод 10. Через три дня. Те же и Громовержцев	13
Эпизод 11. Приемная НИИ Спецсон	16
Эпизод 12. Кранкензон в своем кабинете в отделе спецсонтехники	17
Эпизод 13. Одна из лабораторий отдела спецсонтехники	18
Эпизод 14а. Совещание в кабинете у Громовержцева	19
Эпизод 15а. Лаборатория отдела спецсонтехники	19
Эпизод 14б. Продолжение совещания у Громовержцева	20
Эпизод 15б. Лаборатория отдела спецсонтехники	20
Эпизод 14с. Продолжение совещания у Громовержцева	20
Эпизод 15с. Лаборатория отдела спецсонтехники.	21
Эпизод 14с1. Продолжение совещания у Громовержцева	21
Эпизод 15с1. Лаборатория отдела спецсонтехники.	22
Продолжение сна Веры	
Эпизод 14д. Завершение совещания у Громовержцева	24
Эпизод 16. Кранкензон в своей лаборатории	24
Эпизод 17. Через неделю. Громовержцев в своем кабинете	25
Эпизод 18. Охрименко в своем кабинете	25
Эпизод 19а. Сон Охрименко. Дикари	26
Эпизод 19б. Продолжение сна. Во дворце у герцога	27
Эпизод 19с. Завершение сна Охрименко. На родине	30
Эпизод 20. Охрименко в кабинете, после сна	33
Эпизод 21. Приемная НИИ Спецсон.	34
Эпизод 22. Кранкензон в своем кабинете	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Коган

Тонкая фаза и кое-что еще

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Майские эксперименты, или Тонкая фаза

Самому строгому критику – дорогой жене Ирине

Место и время действия: СССР, крупный областной центр, 1980 год; Россия, тот же областной центр, 1995 год.

Действующие лица

Иван Васильевич Громовержцев – директор НИИ Спецсон, крупный авторитет в науке о снах, обладатель многих научных степеней и званий.

Федор Сигизмундович Кранкензон – заместитель директора НИИ Спецсон, заведующий отделом спецсонтехники, большой ученый и любитель дам.

Софья Павловна Белкина – секретарь директора НИИ Спецсон, член парткома. Красивая дама, знает себе цену.

Василий Васильевич Головин – старший научный сотрудник отдела спецсонтехники. Талантлив, молод, одержим идеями.

Вера Львовна – лаборантка в отделе спецсонтехники, член месткома. Миловидная девушка. Племянница Белкиной.

Виктор Петрович Охрименко – самый большой начальник в городе и области в 1980 году.

Анатолий Феофанович Маркизов – референт Охрименко в 1980 году. Руководитель пресс-службы УВД области в 1995 году.

Евдокия Михайловна Кранкензон – жена Кранкензона.

Степан Степанович Свистуненко – куратор НИИ Спецсон по партийной линии.

Жоржетта Никодимовна Жоржикова – корреспондент газеты «За нашу науку» и еще кое-кто.

Клавдия Петровна – секретарь Охрименко.

Персонажи сновидений и статисты в 1980 году:

Участники пленума обкома, цыганка, Первый и Второй фантомы Головина, дикари, колдун, красавица-дикарка, вождь дикарей, герцоги его свита, спецгруппа и ее руководитель, администратор гостиницы, сотрудники Министерства принятия правильных решений и третьего управления.

Статисты и эпизодические персонажи в 1995 году:

Сотрудники спецназа и СИЗО.

Пролог. 1995 год

Эпизод 1. Встреча старых знакомых

Вечер на глухой улице областного города. Сутулясь, опираясь на трость, идет Кранкензон. Неожиданно перед ним возникает фигура человека. Это Степан Степанович Свистуненко.

Свистуненко. Ба, какая встреча! Вот не ждал после стольких лет встретить вас, товарищ, тьфу, господин... Федор... Федор... тьфу! Ну – да, Сигизмундович.

Кранкензон. Простите, милейший, я что-то не припомню. Забавно, право, откуда вы меня знаете? А впрочем, неважно, позвольте пройти.

Свистуненко. Ну что вы так уж спешите? Могу и напомнить. Свистуненко я, Степан Степанович. Имел удовольствие курировать ваш институт – по партийной линии, естественно. А вы там играли не последнюю скрипку, как помнится.

Кранкензон. Припоминаю, припоминаю, очень, очень приятно. Я, знаете, был, как бы это сказать, достаточно удален от партийных дел, но все равно очень, очень приятно видеть вас в добром здравии да еще и на свободе. Всего вам доброго, позвольте пройти. (Хочет пройти.)

Свистуненко (не дает пройти). Ах, ах, они спешат и разговор вести не желают. А то, что ваша ученая братия устроила тогда, в мае, весь этот шмон? Пострадали и невинные люди, вот я например. Вся карьера моя партийная рухнула. (Ожесточаясь.) Да за такие дела неплохо бы и по морде!

Кранкензон (отстраняясь и выставив для защиты трость). Потихе, милейший. Это еще как посмотреть! Во-первых, вся ваша партийная карьера с девяностых уже ничего не стоит. А насчет шмона, основную руку, а вернее, ручку приложила наша, а точнее, ваша партиячка в лице разлюбезной... э... а впрочем, не будем всуе. Кстати, помнится, и вы там поспособствовали.

Свистуненко. Это как «способствовал»? Это как «не будем»? Нет, договаривай: что ты имеешь в виду? При чем тут я и партиячка? Чего несешь? Да это ж ваша братия и заварила тогда всю эту кашу! Да и весь бедлам потом по стране такие, как ты, сотворили! И – эх, какую державу развалили! А этот Васька твой – кем там он у вас был, МНС или СНС, – вот, стервец, что накаркал... и главное, как в воду глядел, все потом так и вышло. Вот кому всыпать бы по полной программе!

Кранкензон. Вот что, разлюбезный, наша дискуссия носит явно неконструктивный характер, она бессмысленна по своей сути.

Я предлагаю прекратить этот ненужный спор и мирно разойтись. Если вам налево, то мне направо, или наоборот, как вам будет угодно.

Свистуненко. Нет уж, господин, как там тебя... тьфу, Сигизмундович...

Внезапно их разговор прерывает звук автомобильных тормозов. С большой скоростью проносятся и резко останавливаются два автомобиля. Из них выскакивают какие-то люди, и между ними начинается перестрелка. Несколько человек остается лежать на земле. Свистуненко и Кранкензон бросаются к какому-то дому и прижимаются к двери в его подъезде. Слышен звук автосирены. Стрелявшие бросаются в автомобили и исчезают. На улицу вылетают две милицейские машины. Из них выпрыгивают сотрудники спецназа, среди них два офицера: капитан и подполковник. Подходят к лежащим на земле.

Капитан. Все ясно, товарищ подполковник. «Заречные» с «Кавказцами» рынок не поделили.

В это время спецназовцы замечают Свистуненко и Кранкензона. Им скручивают назад руки и подводят к офицерам.

Вот, товарищ подполковник, прятались там. Не иначе как из этих.
Свистуненко. Да не из этих мы, товарищ подполковник. Гуляли мы просто здесь с Федей.
Приятель мой. Ну скажи, Федя, чего молчишь?
Подполковник. Ладно, завтра разберемся, что вы за приятели. В СИЗО обоих.
Свистуненко и Кранкензона сажают в машину. Все уезжают.

Эпизод 2. Квартира Кранкензона

Жена Кранкензона Евдокия Михайловна смотрит телевизор. Диктор объявляет: «Внимание, мы прерываем нашу передачу в связи с экстренным сообщением. Слово имеет руководитель пресс-службы МВД подполковник Маркизов».

На экране подполковник Маркизов, выступает со следующим сообщением: «Уважаемые граждане нашего города! Сегодня вечером в районе старого рынка имели место бандитские разборки преступных группировок нашего города. Среди них имеются раненые и убитые. Четкие действия правоохранительных служб пресекли действия преступных элементов. Задержаны два преступника, предположительно из руководства этих группировок. Органы внутренних дел будут и в дальнейшем беспощадно бороться с преступными элементами. В целях профилактики мы не рекомендуем гражданам города появляться на улицах в позднее время. Борьба с преступностью будет нарастать. Благодарю за внимание».

Евдокия Михайловна. Черт те что творится в этом городе, а мой муженек все еще где-то шляется! Ну, погоди, вернешься – я тебе покажу!

Эпизод 3. Камера в СИЗО

В камере две койки, стол и два стула, на которых сидят друг против друга Свистуненко и Кранкензон.

Кранкензон. А ты знаешь, Степа? Ничего, что я с тобой на «ты»? Ведь мы теперь товарищи по несчастью, не так ли? Так вот, знаешь, Степа, почему я там, на воле, хотел с тобой поскорей распрощаться? Не догадываешься, гад ползучий, крокодил месопотамский? Несовместимы мы с тобой! Понял? Если мы вместе, быть беде! Это я еще кожей чувствовал тогда, в восьмидесятом, когда ты в наш институт на эксперимент приперся! Эх, Степа, Степа, антиподы мы с тобой. Понял? Ну что молчишь? Скажи хоть что-нибудь в свое оправдание.

Свистуненко. А что? И скажу! Скажу я тебе, господин Кранкензон Сигизмундович, что тогда, пятнадцать лет назад, это при нашей тогда власти, бандиты вот так косяками по улицам не бегали, и стрельб таких не устраивали, и людей невинных в кутузку не бросали! А потому, что порядок был! Не то что при вас, туда вас в качель, демократах!

Кранкензон. М-да... Насчет порядка ты, может, где-то и прав, а вот насчет бросания в кутузку невинных загнул. Еще как бросали при вашей-то власти. Ну да ладно, поговорили и хватит. Засиделся я тут с тобой. Домой мне пора, а то моя благоверная уже поди волнуется. Да и твоя, полагаю, тоже.

Свистуненко. Это точно, да что тут поделать?

Кранкензон. А вот это не скажи, поделать не только можно, а в этой обстановке очень даже нужно. Придется мне тряхнуть стариной. Хоть и обещал кое-когда кое-кому не прибегать, но ситуация обязывает, в порядке исключения.

Свистуненко. Ты что затеваешь?!

Кранкензон. Спокойно, Степа, спокойно. Если хочешь, и тебя выгашу по старой дружбе. Будешь через час в своей кроватке с благоверной спать.

Кранкензон. Капитан, нас сюда. (Показывает на отделение для заключенных. На лице Свистуненко ужас.) Вы – за руль. Через пять минут после выезда за ворота машину остановить, открыть замок, выпустить нас и получить дальнейшие указания. Выполняйте!

Эпизод 5. В городе

Капитан впускает их в отделение для арестованных, закрывает его на замок, садится за руль. Машина выезжает за пределы СИЗО.

Кранкензон. Ну-с, коллега, как работа? Признайте, высший класс!

Свистуненко. Да уж. А если не откроет и не выпустит? Пять минут прошло. Что же будет? Эх, ввязался я опять с тобой в историю! Черт попутал! Что будет, что будет?

Кранкензон. Да не стони ты, как баба! Ну, добавят нам за побег еще лет по пять! Какая разница, на пять лет больше, на пять лет меньше! Эх, Таганка, ночи, полные огня!

Машина резко останавливается. Щелчок замка. Дверь открывается. Кранкензон и Свистуненко выходят из машины.

Капитан! Возвратиться пешком на место службы. Приступить к исполнению служебных обязанностей. Забыть все, что с вами произошло за последний час! Исполняйте!

Капитан четко поворачивается и уходит. Кранкензон открывает дверцу машины и садится в нее.

(К Свистуненко.) Садись быстро!

Свистуненко. Да нет, теперь уж я сам. Пожалуй, лучше от тебя действительно держаться подальше!

Кранкензон. Ну, как знаешь. Но учти, минут через двадцать здесь будут люди с собачками! (Захлопывает дверцу.)

Свистуненко. Стой, стой! (Вскакивает в машину.)

Машина резко набирает ход и останавливается недалеко от центра города. Оба выходят.

Кранкензон. Ну все, Степа. Здесь мы расстанемся, и надеюсь, надолго, а еще лучше – навсегда.

Свистуненко. Это уж не сомневайтесь!

Быстро расходятся в разные стороны.

Эпизод 6. Квартира Кранкензона

Кранкензон открывает ключом дверь и на цыпочках входит в квартиру. Из спальни слышен голос жены.

Евдокия Михайловна. Это где можно столько шляться? Опять за старое взялся? Ну, смотри, Федор, возьмусь я за тебя!

Кранкензон. Не надо, Дусик, за меня братья. Стечение обстоятельств, судьба, рок, если угодно! Встретил случайно старого знакомого, а мне с ним, понимаешь, ну никак нельзя встречаться. И пошла писать губерния! Ну и влипли, как обычно!

Евдокия Михайловна. Что несешь? Знаю я твоих знакомых, в юбках, а то и без них! Я тут как на иголках весь вечер. Чего только в голову не придет! Бандюг полно по городу! Вон по телеку опять этот Маркизов выступал. Кругом разборки идут. Хорошо хоть двух главарей вроде взяли. А он – «судьба, рок». Несет черт те что! Ну ладно, иди спать, завтра еще вернемся к твоим подвигам.

Кранкензон. С меня, пожалуй, на сегодня хватит. (Уходит в спальню, тушит свет.)

Утро следующего дня. Кранкензон, в халате, мирно пьет чай с женой и смотрит телевизор.

Евдокия Михайловна. Вчера опять звонил Стасик, очень хочет тебя видеть. Говорит, никак не может поймать. Когда бы ты мог с ним встретиться? Ему очень надо с тобой посоветоваться по одному вопросу.

Кранкензон. Знаешь, Дусик, я понимаю, Стас твой брат, двоюродный, между прочим. Но пойми, не могу я вот так, задарма, раздавать товар, которым торгует моя фирма! Да-да, прогнозы, я имею в виду правильные прогнозы, – это тоже товар, и очень дорогой, да будет тебе известно! У меня особая клиентура – очень влиятельные люди. И если они узнают, что их товаром, за который они платят большие деньги, пользуется еще кто-то... О, тогда я сам себе не позавидую! Подсказал раз, два, но имей же совесть..., братец!

Евдокия Михайловна. Ах, Федор, ну вечно ты вот так портишь мне настроение! Конечно, когда дело касается моих родственников, все у тебя ужасно сложно! Кстати, я еще не разобралась: где это ты вчера так поздно шляется? И пришел какой-то взбудораженный и нес какую-то чушь про судьбу, рок! Смотри, Федор, лопнет мое терпение когда-нибудь! А Стасика я все равно обижать не позволю! Имей это тоже в виду!

Внезапное сообщение по телевизору: «Внимание! Сейчас с экстренным сообщением выступит руководитель пресс-службы МВД подполковник Маркизов». На экране озабоченное лицо Маркизова.

«Вчера ночью при странных обстоятельствах из следственного изолятора бежали два задержанных накануне лица, подозреваемых в принадлежности к руководству преступных группировок. Характер побега, особая наглость и изощренность, к которой прибегли преступники, свидетельствуют, что на этот раз мы столкнулись с особо опасными представителями преступного сообщества. В ответ на неординарные действия преступников мы намерены также прибегнуть к новым, нестандартным методам следствия! В городе объявлен план «Двойной перехват с подсечкой». Скоро преступники почувствуют, что дальше терпеть их наглые действия мы не намерены! В связи с чем жителям выходить в позднее время в отдаленные районы не рекомендуется».

Евдокия Михайловна. Какой ужас, вчера их только поймали, а сейчас эти бандиты опять на свободе! Подумать только, они опять где-то среди нас!

Кранкензон. Вот насчет этих двоих ты можешь совершенно не волноваться. Однако что это за нестандартные методы следствия собирается применить этот бравый подполковник? Как его? Маркизов? Маркизов, Маркизов... Где я встречал это имя?

Встает, идет в кабинет, долго копается в письменном столе, затем в бюро. Извлекает оттуда старую толстую записную книжку. Листает ее. Ищет.

Ага, вот он где! Вот наш бравый подполковник! Итак, Маркизов Анатолий Феофанович. В 1980 году очень влиятельная фигура при достаточно скромной должности. Своего рода серый кардинал у его величества первого секретаря... Один из инициаторов того пресловутого эксперимента! Шефу и себе он тогда соломку подстелил. Ну что ж, возможно, еще представится нам с ним случай вспомнить и наш Спецсон, и тот незабываемый 1980 год!

Взлет и падение НИИ Спецсон

Время действия переносится на 15 лет назад, в 1980 год.

Место действия – тот же областной центр.

Эпизод 7. Областной комитет правящей партии

Один из кабинетов. На дверях табличка: «Маркизов Анатолий Феофанович. Референт». В кабинете за столом его хозяин. Звонит телефон. Маркизов снимает трубку.

Маркизов (по телефону). Маркизов слушает. Добрый день, Клавдия Петровна. Что? Просит сам? Благодарю вас! Уже иду.

Кабинет Охрименко. Приоткрывается дверь, входит Маркизов. Вызывали, Виктор Петрович?

Охрименко. Садись. (Кивает на кресло. Маркизов садится.) У меня к тебе не совсем обычное дело. (Умолкает и задумывается.) Понимаешь, провожу я вчера, как обычно, очередной пленум. Ну, время позднее, народ приустал...

Эпизод 8. Вчерашний пленум

В зале члены обкома и приглашенные. На председательском месте Охрименко. Секретарь оглашает повестку дня.

Охрименко. Так, что у нас там дальше?

Секретарь. Вопрос двенадцатый. Состояние воспитательной и идеологической работы на четвертом домостроительном комбинате. Докладчик Кузиков Иван Иванович.

Охрименко. Ну давай, Кузиков, освещай, как там у вас с идеологией!

Из заднего ряда поднимается Кузиков и начинает монотонно читать по бумажке: «За истекший период, благодаря принятым нашей парторганизацией мерам, наметился существенный сдвиг в партийно-идеологической работе на комбинате. Организованы два новых кружка по изучению курса «История КПСС» и экономический кружок для ИТР. Систематически выпускается газета «Прожектор качества», что позволило, вместе с другими мероприятиями, снизить процент брака на 5,86 процентов...»

Поздний час, усталость и монотонное чтение стали вызывать засыпание некоторых присутствующих.

Постепенно стал засыпать и сам Виктор Петрович. Фигура Кузикова расплылась и постепенно стала превращаться в танцующую и азартно поющую «Частица черта в нас...» опереточную артистку. Танец и пение настолько увлекли Виктора Петровича, что он стал бурно аплодировать. Как оказалось, не только во сне, но и наяву.

Проснувшись и видя, что присутствующие смотрят на него с недоумением, Виктор Петрович не растерялся и, продолжая хлопать, воскликнул: «Браво, Кузиков, браво, подняли вы там у себя идеологическую работу, хорошо подняли, так и отметим в постановлении».

Кое-кто из присутствующих тоже начал аплодировать. Затем бурно зааплодировали все.

Охрименко (зло оборвал аплодисменты). Все, хватит. Кузиков свободен. Что там у нас дальше?

Секретарь. Персональное дело товарища Пузанчикова, по заявлению его супруги.

В углу, дрожа, встает Пузанчиков.

Охрименко (*зло, радостно*). Аморалка?! Вот ему-то мы сейчас и вышлем по первое число!

Эпизод 9. Действие возвращается в кабинет Охрименко во время его беседы с Маркизовым

Охрименко. Так вот, Анатолий Феофанович, сейчас я поставлю тебе странную на первый взгляд задачу, но ты отнесись к ней со всей серьезностью. Как ты знаешь, многие из моего окружения – люди не первой молодости. А работа у нас сам знаешь какая. Ни сна, ни отдыха. Работаем фактически на износ! А сон этот, туда его в качель, является зачастую ко многим в самое неподходящее время! Спят, черти. Ну, не то чтоб прикорнуть немного у себя в кабинете на диване, чтоб никто не видел. Так нет, спят на совещаниях, в президиумах, как говорится, прилюдно, а это, сам понимаешь, ну ни с какого бока!

Маркизов. Вы, как всегда, правы, Виктор Петрович. Это явление плохо вписывается в кодекс поведения советского человека. Строителя светлого будущего, так сказать. Чем я мог бы помочь?

Охрименко. А вот ты, как референт, изучи этот вопрос с научной позиции. Проконсультируйся с кем надо, с медиками например.

Как с этим делом бороться? Но аккуратно, не во вред здоровью чтоб. Лекарства там какие, тоники или зарядку, может, нам ввести, в обязательном порядке? Ясно? Ну, давай соображай. Дня через три доложишь.

Маркизов. Виктор Петрович! Идея! У нас же есть целый институт, который занимается этими проблемам! НИИ Спецсон! Вот кому и карты в руки!

Охрименко. Ну что ж, может быть, Спецсон, а может, кто еще. В общем, соображай. Через три дня доложишь, тогда и решим. Бывай!

Жмет руку Маркизову. Тот уходит.

Эпизод 10. Через три дня. Те же и Громовержцев

В кабинет Охрименко входят Маркизов и директор НИИ Спецсон профессор Василий Иванович Громовержцев с небольшим чемоданчиком в руках. Часы в кабинете показывают 17 часов.

Маркизов. Разрешите? Добрый день, Виктор Петрович! Разрешите представить: Иван Васильевич Громовержцев, профессор, директор НИИ Спецсон. Интересные вещи предлагает.

Охрименко. Да знаю я свои кадры, чего ты мне его представляешь? (Приглашает к столу.) Так что у тебя за интересные вещи Иван Васильевич? Как нам бороться со сном? В рабочее время, естественно, а иногда, впрочем, и в постели бывают ситуации, не так ли? (Смеются он и присутствующие.) Так что предлагает нам наука?

Громовержцев. Со сном в рабочее время не всегда надо бороться, особенно руководящему составу, Виктор Петрович.

Охрименко. То есть? (Поворачивается к Маркизову.) Он что, смеется? Проблему не понял? Или ты не объяснил ему толком?

Громовержцев. Да нет, Виктор Петрович, все я понял. Анатолий Феофанович все объяснил. Тут ответ простой. Веди нормальный образ жизни – не будешь спать на работе. Ну а если патология, обратись к врачу. Единых рецептов здесь не бывает. Я предлагаю несколько изменить формулировку задачи. Не бороться со сном в рабочее время, а использовать сон, а точнее, его так называемую тонкую фазу для принятия ответственных решений! Ну конечно, теми лицами, кто у нас призван принимать ответственные решения.

Охрименко (зло, обращаясь к Маркизову). Слушай, ты чего его ко мне привел!? Да он же смеется над нами! Какие еще во сне ответственные решения?! Бред какой-то.

Громовержцев. Минуту, минуту, Виктор Петрович. Позвольте объяснить. Установлено, что в тонкой фазе сна это такой короткий участок «быстрого» сна, где-то между сном и пробуждением, – мозг человека начинает работать особенно интенсивно, четко и правильно! Именно в этот период к людям приходят так называемые «озарения» и правильные решения! Наш коллектив подошел вплотную к решению феноменальной задачи! Нами практически разработаны метод и аппаратура для реализации функционального, программного воздействия на мозг спящего человека в этот период с целью принятия им оптимального решения по поставленной задаче! Позвольте, я вам кое-что продемонстрирую.

Открывает чемоданчик и достает из него шлем с наушниками и маленькими антеннами. Шлем связан проводником с ручным пультом управления.

Далее показ действий в кабинете Охрименко прерывается и возобновляется через час. Часы в кабинете показывают 18 часов. Присутствующие возбуждены.

Охрименко. Постой, постой. Оно, конечно, здорово, что ты тут нам живописал. Но в каком виде предстанет руководство перед народом? В спящем. Да еще с вот этой ахинеей на голове? Ты соображаешь, как это может быть истолковано там? *(Показывает пальцем вверх.)*

Громовержцев. Все новое всегда кажется народу и странным, и непонятным, и смешным! Помните первый автомобиль, паровоз, самолет! Но прогресс не остановить никогда и никому! И, как учат наши основоположники, не плестись за массами, а вести их за собой!

Охрименко *(обращаясь к Маркизову)*. Нет, ты посмотри на него! Он меня, Ох-ри-менка, будет учить политграмоте!! Ну, дает профессор! *(Резко переменяет тон.)* Ладно, ближе к делу. Партия всегда поддержит все новое и передовое, даже если оно, на первый взгляд, и покажется кое-кому... того. *(Делает неопределенный жест рукой около головы. Затем, обращаясь к Громовержцеву.)* Так, какие есть проблемы? Какая нужна помощь?

Громовержцев. Сейчас мы готовимся к проведению главного эксперимента. Кое-что уже проверили и, мало того, использовали полученные материалы в своих разработках! Результаты превзошли все ожидания! Сейчас главное – найти подходящую кандидатуру для эксперимента. Заказчик предлагает своего, но мне кажется, мелковат товарищ для этого дела. Да и молод чересчур еще. Масштабней нужна фигура! Возраст бы где-то около шестидесяти. Вот он бы и соответствовал основным возрастным характеристикам нашего руководящего корпуса.

Охрименко. А знаешь, я думаю, мы тебе в этом вопросе кое-что подскажем. Что еще?

Громовержцев *(вдохновляясь все больше)*. Очень на вас надеюсь, Виктор Петрович! Знаете, товарищи, я думаю, результаты превзойдут все ожидания и оправдают все наши самые смелые прогнозы! Думаю, наша работа будет по достоинству оценена партией и правительством у нас в стране да и за рубежом вызовет широчайший резонанс! Полагаю, тут определенно пахнет Нобелевкой!

Кстати, во главе авторского коллектива нашей работы, назовем ее «Методика и аппаратура для принятия решений в тонкой фазе сна», думаю, должны быть вы, Виктор Петрович, как главный инициатор и где-то автор этой идеи! Не сомневайтесь, это мнение всего коллектива! Вы только представьте, товарищи, какие широчайшие перспективы откроет во всех областях наше с вами открытие!

Охрименко. Ладно, ладно, это мы еще обсудим. Давайте пока рассмотрим правила игры с этими игрушками. *(Показывает на лежащую на столе аппаратуру.)* Во-первых *(в сторону Громовержцева)*, считаю тебя самой подходящей кандидатурой для проведения эксперимента! *(Удивление и страх на лице Громовержцева.)* Да-да, не спорь со мной. И по возрасту, и по положению, и по прочим параметрам кто же, как не ты! Во-вторых, кто у нас в итоге принимает все решения? Не забыли? То-то и оно! Эксперимент наш – под жесткий партийный контроль!

(Недовольное выражение на лице Громоверхцева.) Как ваш, так и наш! Кто у вас там секретарь парткома?

Громоверхцев. Кузьменченко. Но он сейчас в отпуске. За него Белкина Софья Павловна, наш технический секретарь. Очень деятельный товарищ и в курсе, кстати, всех наших дел. В общих чертах в курсе, конечно.

Охрименко. Вот и отлично. Включите и ее в приемную комиссию. А мы посмотрим сейчас, кто от нас. Минуту. (Берет телефонную трубку.) Аллю! Сергеев? Кто там у тебя, в отделе науки, курирует НИИ Спецсон? Свистуненко? Лады, пусть подойдет завтра к Маркизову, получит кое-какие указания. (Вешает трубку.) Конечно, этому делу надо бы придать и общественный резонанс! Подключить прессу, радио... Но это попозже. Проведем эксперимент, получим официальный результат, тогда и подключим кого надо. А пока молчок. Ясно? Все, товарищи, на сегодня.

Маркизов и Громоверхцев встают.

(Пожимает Громоверхцеву руку и, не выпуская ее, спрашивает.) Кстати, когда думаешь провести это мероприятие? (Не дождавшись ответа.) А неплохо бы к Первому мая. Первомайский подарок стране от ученых, так сказать! Как? Договорились? Ну и ладно! Будь здоров, бывай.

Громоверхцев, собираясь уходить, кладет в чемоданчик аппаратуру и закрывает его. Неожиданно за чемоданчик берется и Маркизов. Какое-то время они молча тянут чемоданчик каждый в свою сторону. На лице Громоверхцева недоумение. Охрименко просматривает бумаги.

Маркизов. Иван Васильевич, а может, не будем нарушать традицию?

Громоверхцев. Вы о чем, Анатолий Феофанович? Какие традиции?

Маркизов. Неужели не знаете? Первые, лучшие образцы новой техники – в подарок первому лицу! Оно, как видите, перед вами! (Кивает в сторону Охрименко.)

Громоверхцев (смущаясь и суетясь). Да-да, конечно. Виктор Петрович, примите, от всего коллектива. Кстати, инструкция там внутри.

Охрименко. Ну что ж, за подарок спасибо. Желаю успеха, если что, звони. (Пожимает Громоверхцеву руку. Затем, обращаясь к Маркизову.) Ты удержишься.

Громоверхцев уходит.

Охрименко. Ты что у меня в кабинете за тяни-толкай устроил? А мне что в это время было делать?

Маркизов. А что было делать, Виктор Петрович, если люди не понимают? Но согласитесь, выпускать эту штуку из рук мы не имели никакого права! История нам бы этого не простила!

Охрименко. Ладно, бог с ней. Ну а что думаешь обо всем этом деле, которое, кстати, ты и заварил?

Маркизов. Думаю, все идет нормально. Скажу честно, я восхищен вашей реакцией, и вашими указаниями! Очень все продуманно и мудро! Что значит все-таки громадный партийный и жизненный опыт! Но знаете, Виктор Петрович, может, нам немного подстраховаться?

Охрименко. Ты о чем?

Маркизов (показывая пальцем вверх). Проинформировать бы кое-кого.

Охрименко. Чего нам бояться? А с этим (показывает пальцем вверх) обождем. Ну все, бывай.

Маркизов, собираясь уходить, берет с собой чемоданчик из НИИ Спецсон.

А это ты зачем берешь? Это, по-моему, мне подарок, а не тебе.

Маркизов. Хотелось бы кое-что кое-где проверить, Виктор Петрович. А потом, естественно, доложить вам.

Охрименко. Оставь! Сам проверю, что надо. Отдыхай.

Маркизов кладет чемоданчик на стол и уходит.

Эпизод 11. Приемная НИИ Спецсон

В центре за столом секретарь Белкина что-то печатает на машинке. Входит Кранкензон. Он в плаще, шляпе, с портфелем в руке.

Кранкензон. С добрым утром, Софья Павловна! Если не ошибаюсь, с сегодняшнего дня вы осуществляете у нас партийное руководство! Позвольте поздравить вас с назначением на этот высокий пост!

Белкина. Спасибо, но не стоит так пышно. Вы ведь знаете, я временно, пока Кузьменченко в отпуске.

Кранкензон. Не говорите так! В такой момент какой-то Кузьменченко? Для меня вы и только вы! Знаете, как меня всегда волновал этот образ! Женщина-комиссар в кожаном пальто и с маузером! Вы не представляете, как это волнует и притягивает нас, робких, одомашненных мужчин! Любовь Яровая, потом эта, как ее, ну, комиссарша в «Оптимистической трагедии». Какие они романтические и привлекательные в своей беспощадности к врагам революции! Ну нет никаких сил противостоять их и, скажу по секрету, вашему обаянию! И понимая даже, как это небезопасно, – ведь могут и пристрелить еще, к чертовой матери, во имя революции, естественно, – все равно так и тянет нас к вам, простите, к ним, как мотыльков на огонь! Какой здесь, простите, Кузьменченко! Смешно даже! Вы и только вы!

Белкина (смеется, потом строже). Попрошу вас, Федор Сигизмундович... Ваш юмор уже переходит всякие границы и пахнет, знаете, чем-то нехорошим!

Кранкензон. Все, все, любезная Софья Павловна. Никаких запахов больше. А что (кивает в сторону кабинета Громовержцева), Иван Васильевич у себя?

Белкина. Нет, он на совещании. (Гордо.) У самого Охрименко Виктора Петровича!

Кранкензон. Ого! Высшие сферы! М-да... очень интересно, хотя, как правило, добра не жди.

Идет к двери своего кабинета, но Белкина окликает его.

Белкина. Федор Сигизмундович! Можно вас еще на минутку? У меня к вам небольшой разговор или, вернее, даже просьба...

Кранкензон (радостно). Софья Павловна! Вы же знаете, для вас – все что угодно! Просите все! Ради бога, не стесняйтесь!

Белкина (игриво). Боюсь, это не совсем то, о чем вы подумали. Все пока не надо. (Строже.) Федор Сигизмундович! Я насчет моей племянницы Верочки. Второй год она у вас в отделе, лаборанткой. И никакого роста. Неужели такая непутевая? По общественной линии у нее все в порядке: член месткома, решает важные вопросы обеспечения коллектива продовольствием! А вот в вашем отделе (разводит руками) никакого роста.

Кранкензон (переходя с игривого тона на серьезный). Понимаю, понимаю вашу заботу, Софья Павловна, о молодых кадрах. Подумаем, подумаем, что можно сделать. В ближайшее время... а впрочем, что это я! Сегодня же. Сегодня и займусь этим вопросом! Подключим вашу племянницу... э-э... как ее? Ну да, Верочка! Подключим Верочку к интересной, перспективной теме, появится основание и для служебного роста! Очень хорошо, что напомнили мне о молодых кадрах, очень кстати.

Скрывается в своем кабинете. Через короткое время выходит из него в белом халате. Бросает строго: «Я в отделе» и уходит.

Эпизод 12. Кранкензон в своем кабинете в отделе спецснотехники

Рядом его «правая рука» – Василий Васильевич Головин.

Кранкензон. Так как дела с испытанием ПС-24? Сроки поджимают, Василий, надо бы форсировать. Вчера заказчик звонил, большой интерес проявляет. Обещал премию подкинуть за досрочность.

Головин. Форсируем, Федор Сигизмундович. Осталось проверить по тестам, третью и пятую фазы – и будем закруглять. Я еще все хочу у вас спросить: как ваше мнение по материалу, что я передал вам на той неделе? В части метода по дискретному прогнозированию сновидений.

Кранкензон. Знакомлюсь, знакомлюсь, Вася. Любопытный, право, материал. Расшифровка провидческого дара Нострадамуса и прочих прорицателей. Астрологические циклы предвидения и прочее. Обсудим подробней как-нибудь на досуге. Ты мне лучше вот что сообщи: что думаешь по доводке прямоконтактного стимулятора сновидений? В чем там загвоздка?

Головин. С ПСС особых загвоздок нет. Нужен субъект для корректировки параметров. Пока такого не нашли. Но, знаете, я бы с этим прибором не спешил. Есть что-то странное в его поведении, что-то мистическое, что ли. Не вторгаемся ли мы в какие-то запредельные сферы?

Кранкензон. Что за мистицизм, Василий? Забыл, где живешь? Могу напомнить. В стране победившего материализма! Ладно, избавлю тебя от потусторонних сил. Беру доводку ПСС на себя! А ты форсируй с ПС-24. Все. Да, пришли ко мне нашу лаборантку. Как ее? Вера... Вера...

Головин (подсказывает). Львовна!

Кранкензон. Ну да, Львовну. (Головин выходит.) Итак, Софья Павловна, посмотрим, посмотрим на вашу племянницу. Быстрый рост не обещаем, но, если проявит взаимопонимание... нормальное женское взаимопонимание, возможно все. А рост – о, какой рост возможен! Даже страшно подумать, какой возможен рост!

Входит Вера.

Вера. Вызывали, Федор Сигизмундович?

Кранкензон. Да. Садитесь, Вера Львовна.

Вера садится. Кранкензон что-то пишет. Через некоторое время обращается к ней.

Давно собирался поговорить с вами по душам, Вера. А что, если без Львовны, а? По-простому, по-товарищески, если вы не возражаете? Так как, Вера, договорились?

Вера. Конечно, почему бы нет. На условиях взаимности хотелось бы. А о чем, собственно, разговор по душам, Федя?

Кранкензон. М-да... по-простому нам, видно, еще рановато. Так вот, Вера Львовна, круг-ваших обязанностей в отделе весьма узок и, извините, примитивен. Я не говорю об общественных сферах, где вы занимаете достаточно высокое положение. А как бы нам приобщить вас и в отделе поближе к нашей основной, интересной научной деятельности? Учтите, только в этом случае, естественно, при положительных результатах, возникнут предпосылки и для служебного роста. Так как?

Вера. Я согласна подумать. А что надо делать? Только не знаю, справлюсь ли я. А хорошо бы под руководством Головина, а?

Кранкензон. Нет, Вера Львовна, речь может идти только о моем руководстве. И даже не о руководстве, а, скорее, о сотрудничестве. Причем о сотрудничестве, требующем, как бы это сказать, настоящего духовного единения, что ли! (Улыбаясь, смотрит на Веру.)

Вера. Федор Сигизмундович, скажите прямо, о чем идет речь? О работе или о чем-то другом?

Кранкензон. О работе, Верочка, ах, простите, Вера Львовна, только о работе. Пока только о работе!

Вера. А вы шутник, Федор Сигизмундович. Хорошо, что за работа? Что я должна делать?

Кранкензон. Для начала принять участие в доводке аппарата ПСС. Это очень интересная модель. Но для ее доводки требуется опробование некоторых параметров с участием реального пациента. Добровольца-комсомольца, так сказать.

Вера. Ах, вот оно что! Так вам нужен подопытный кролик? Ну нет, кроликом быть я не согласна! И это называется служебный рост? Еще с этим, как его, духовным единением!

Кранкензон. Ах, Вера Львовна! Ну что вы, право! Всякий рост должен с чего-то начинаться. А это неплохой трамплин. Уверяю вас, о вашем росте я позабочусь лично! И еще. В дальнейших проверках вторым участником эксперимента буду лично я!

Вера. А вы гарантируете мою безопасность? А что это за прибор? А как он работает?

Кранкензон. Идемте, я покажу вам нашу установку.

Оба встают, выходят из кабинета.

Эпизод 13. Одна из лабораторий отдела спецсонтехники

Кранкензон и Вера стоят около аппарата ПСС. Аппарат представляет собой кресло, которое может трансформироваться в ложе. В кресло вмонтирован пульт управления с сигнальными лампами и кнопками. К нему подключены маленький ручной пульт и шлем с наушниками и антеннами типа того, который демонстрировал Громовержцев на совещании у Охрименко.

Кранкензон. Вот она, наша спящая красавица. (Гладит кресло.) Ждет не дождется своего принца. (Смотрит на Веру.) Или принцессу.

Вера. А что надо делать принцессе с этой красавицей? (Смотрит на Кранкензона.) Или с красавцем?

Кранкензон (смеется). О, чувство юмора – это прекрасно! Что делать – это потом. Вначале я расскажу вам, что эта красавица собой представляет. Перед вами выдающееся научное достижение! Мечта фантастов всех времен и народов! Вы знаете, что такое общий сон? Представьте, что два человека спят и видят общий, ну, один и тот же, сон. При этом один из них держит в руках вот этот пультик (берет его в руки) и создает нужную обстановку. Ну, скажем, ландшафт, погоду и прочее. Он как бы сам при этом спит, но не совсем. Мало того! Он может внушать второму участнику, который, кстати, находится в другом месте, назовем его реципиентом, те или иные чувства, желания и прочее. По примитивной аналогии это то, чем занимаются знахари, гадалки и прочие. Разные там «отвороты», «привороты». Но если у них это, как правило, фокусы типа «деньги ваши стали наши», то у нас все на строго научной базе.

Вера. А что, этим, как его, реци-печи, может быть любой человек?

Кранкензон. В принципе любой. Ограничение – только дальность действия. Сейчас мощность устройства позволяет работать с реципиентом, который находится отсюда на расстоянии двухсот, ну, максимум двухсот пятидесяти метров. Итак, при помощи этих кнопок (показывает на пульте кнопки) вносятся все данные реципиента. Сюда (показывает на щель в пульте) вставляете его фото. Затем... Да, чуть не забыл самое главное. (Достаёт из кармана ключ и вставляет его в замок.) Поворотом этого ключа включаете установку. Надеваете этот шлем, ложитесь, простите, на это ложе и... встречаетесь во сне с вашим... реципиентом! Итак, Вера, простите, мне проще все-таки без Львовны, я рассказал и показал вам все. Какое будет ваше решение?

Вера (задумчиво, как бы про себя). «Отвороты», «привороты»... Да-да, я согласна. А что надо делать?

Кранкензон. На первом этапе произведем с вами проверку некоторых параметров, а затем...

По громкоговорящей связи слышен голос Белкиной: «Кранкензон и Головин срочно приглашаются на совещание к директору! Кранкензон и Головин срочно приглашаются на совещание к директору!»

Кранкензон. Как некстати. Пардон, я вынужден вас покинуть. Знаете что, почитайте пока вот это. (Передает ей инструкцию.) Здесь (показывает на аппарат), ради бога, ничего не трогайте. (Уходит.)

Вера (молча смотрит на аппарат, потом говорит сама с собой). А ведь это шанс! Смотри, он и ключ оставил! Такое может быть раз в жизни! Неужели упущу? Ни за что! Нет, Федор Сигизмундович, не вы герой моего романа. Я другого люблю, умираю любя! Ну, Васечка, держись, будешь моим реци-пеци! Так, соберись! Но где фото?.. Ах, да вот же оно!

Быстро подходит к висящей рядом Доске почета и срывает с нее фото Головина. Вставляет фото в пульт.

Теперь узнать, как работает эта штука. (Листает инструкцию и лихорадочно нажимает на кнопки пульта.) Сколько они там будут совещаться? Хоть бы подольше!

Эпизод 14а. Совещание в кабинете у Громовержцева

За столом сидят Кранкензон и Головин.

Громовержцев. Пригласим и Софью Павловну, представитель партбюро как-никак. (Нажимает кнопку звонка. В дверь заглядывает Софья Павловна.) Заходите, Софья Павловна, примите участие в нашей работе. (Софья Павловна с гордым видом садится за стол.) Товарищи, у меня для вас важное и, полагаю, приятное сообщение. Кстати, Софья Павловна, ведите протокол, пригодится потом для приказа. Нас всех можно поздравить, правда, пока предварительно. Я только что с совещания. У самого Охрименко! Так вот, наша работа по стимулятору принятия правильных решений ПС-ПР получила очень высокую оценку! Нам дают полный карт-бланш для его доводки и внедрения! (Откидывается на кресле и удовлетворенно закуривает). Правда, вначале мне нелегко там пришлось. Неудивительно. Что такое сон? Сон для всех – это просто сон. А тут на тебе! Сон не просто сон, а некое состояние, при котором интеллект может достигнуть более высокого, чем наяву, уровня! Это обывателю понять невозможно! Но ничего, там (кивает головой кверху) разобрались и одобрили.

Ну что, довольны? Учитесь, как надо внедрять разработки! Придумать – это еще полдела. А ты, батенька, попробуй, внедри! Да так, чтобы шум по всей стране пошел! Кстати, я сообщил, что разработка в целом завершена. Осталось провести главный эксперимент... и порядок! Хорошо бы и прямоконтактный вариант форсировать, пока волна идет. Как с ним дела?

Эпизод 15а. Лаборатория отдела спецсонтехники

Действие возвращается в лабораторию, где Вера уже сидит в кресле, держа в одной руке ручной пульт, а другой лихорадочно перелистывая лежащую у нее на коленях инструкцию. На голове шлем с наушниками. Возбуждена, спешит.

Вера. Так, реципиент – Головин Василий Васильевич! Расстояние? Сколько отсюда до директорского кабинета? Метров тридцать. Есть. Степень воздействия? Ну, Васечка, держись! Ставлю максимальную – шестую! Обстановка? Выберем вот это. Для любовных объяснений – глухой старинный парк! Кажется, все! А теперь была не была – пуск!

Нажимает кнопку пульта. Кресло резко трансформируется в ложе, на которое опускается Вера. Около установки возникает туманное облако, сквозь которое видно, что одна нога Веры

свисает с ложа. Из нижней части ложа появляется подобие руки, которая осторожно кладет свисающую ногу на ложе. Вера засыпает.

Эпизод 14Б. Продолжение совещания у Громовержцева

Кранкензон. О прямоконтактном стимуляторе говорить пока рано. Там еще немало гололомок. И с финансированием этой работы тоже проблемы, как вы знаете.

Головин. Да и программный подготовить к эксперименту время надо. А у нас, Иван Васильевич, сейчас уйма плановых первоочередных работ.

Громовержцев. Ну вот что, орлы мои спящие, я тут бьюсь изо всех сил, чтобы наши разработки внедрить, со всеми вытекающими из этого, приятными для вас, последствиями. А вы мне все о трудностях толкуете! Значит, так, сроки эксперимента уже согласованы с Виктором Петровичем, который, кстати, скорей всего и возглавит наш авторский коллектив. Так что давайте закругляться и подводить итоги!

Головин. Ав чем, собственно, заключается авторское участие Виктора Петровича в нашей разработке?

Громовержцев (обращаясь к Кранкензону, гневно). Что за детские вопросы? Сигизмундович, объясни своему старшему научному, что значит иметь в авторском коллективе человека такого уровня, как Виктор Петрович! Да это ж гарантия успеха! Это ж масштабы внедрения, ну и лавры соответственно. Все. Дискуссия закончена. Софья Павловна, пишите, это пойдет в приказ! Провести полномасштабный эксперимент с прибором ПС-ПР до первого мая сего года. Второе. В качестве экспериментатора, субъекта, над которым проводится эксперимент, назначаю себя – Громовержцева Ивана Васильевича.

Все ахают, удивление и страх на лицах. Головин неожиданно вскрикивает и хватается за голову.

Эпизод 15Б. Лаборатория отдела спецсонтехники

Действие возвращается в лабораторию, где на установке ПСС лежит и видит сон Вера. Она идет по старинному парку. В руках у нее все тот же пульт. Находит в укромном тенистом месте скамейку и садится на нее. В некотором отдалении из-за кустов появляется цыганка и с интересом наблюдает за Верой.

Вера. Прелестное место. А хорошо бы еще легкую музыку.

Нажимает на пульте какую-то кнопку. Издалека раздаются звуки духового оркестра. Цыганка садится на скамейку рядом.

Цыганка. Ах, почему такая красавица и одна скучает? Где же суженый твой? Почему не идет, не летит к своей крале? Дай руку, погадаю, все тебе о нем скажу.

Вера дает ей левую руку, в правой держит пульт. Цыганка гадает по руке.

На совещании он у большого начальства. А хочешь, приведу его сейчас к тебе? Дай на минуту эту штуку (показывает на пульт), и я тебе его тут же доставлю!

Вера в растерянности медленно протягивает ей пульт, но в последний момент ее руку кто-то перехватывает, и она слышит: «Не советую, это небезопасно!» Она оглядывается и видит позади Васю Головина. Вера радостно вспыхивает и отдергивает руку с пультом назад.

Эпизод 14с. Продолжение совещания у Громовержцева

Все с изумлением смотрят на Головина.

Громовержцев. Что?! Не советуешь, небезопасно?! И это ты мне говоришь? Нет, вы посмотрите на него! Ну, знаешь, Головин!

Головин (испуганно вздрагивая, как бы просыпаясь). Нет-нет, Иван Васильевич, я, собственно, не вас имел в виду. Вашу безопасность мы, конечно, обеспечим, но знаете, я посоветовал бы поискать для этого случая другую кандидатуру. Ну, менее значимую, что ли.

Кранкензон (поддерживая Головина). А действительно, Иван Васильевич, зачем это вам? Не барское это дело. Техника новая, мало ли что!

Белкина (робко). Если можно, и мое мнение. Я поддерживаю товарищей по этому вопросу. Думаю, партбюро тоже попросит выдвинуть другого кандидата! Мы не можем рисковать руководителями такого уровня, как Иван Васильевич!

Громовержцев (усмехаясь). Благодарю покорно за заботу! Эксперимент этот какого рода? Принятие ответственных решений! А кто их у нас должен принимать? Ну не уборщица же тетя Валя! Кстати, кандидатура моя уже одобрена Виктором Петровичем, и обсуждению больше этот вопрос не подлежит. А вот вы, Федор Сигизмундович, позаботьтесь, чтоб все прошло на высшем уровне и чтоб никаких сюрпризов! Теперь в части программы нашего эксперимента. Я думаю, особенно расплыться не будем. Один-два, не крупных, из нашей институтской тематики вопроса.

Эпизод 15с. Лаборатория отдела спецсонтехники.

Продолжение сна Веры.

Вера. Вот не ждала вас, Василий Васильевич. Хотя, по совести, ждала, и очень. Как вовремя вы появились. Еще немного, и я отдала бы ей (показывает на цыганку) пульт!

Цыганка. Зачем говоришь такое, ты ж не знаешь, где найдешь, где потеряешь! А его (показывает на Головина) остерегайся. Ой, хлебнешь с ним горя!

Головин. Слушай, откуда она тут взялась? Да убери ты ее куда-нибудь подальше!

Вера. А как?

Головин (показывает ей на пульт). Поверни это и нажми здесь.

Вера делает то, что ей сказал Головин, и цыганка медленно отлетает от них в растущие неподалеку кусты, но не уходит, а время от времени пытается приблизиться к ним, но какая-то сила уносит ее назад в кусты.

Вера. Ну вот мы и одни. Почти одни. Как здесь красиво и романтично!

Вот только луны не хватает. Я так люблю лунный свет. (На небе появляется громадная луна.) Ой, как здорово! (Трогает Головина за руку.)

Головин. Что? Какая луна? Постой, как я здесь оказался? Я ж должен быть на совещании у начальства! Скандал! Немедленно верните меня назад!

Вера. Ах, подумашь, какое-то совещание, начальство? Разве не лучше вот здесь, в этом чудесном месте? Вдвоем со мной?

Неожиданно с другой стороны скамейки раздается голос: «В тысячу раз лучше!» Вера изумленно поворачивается и видит с другой от себя стороны второго Васю Головина.

Эпизод 14с1. Продолжение совещания у Громовержцева

Головин сидит, охватив голову руками, в каком-то полусне.

Громовержцев (недовольно глядя на Головина). Я вижу, некоторые устали. Василий Васильевич, не так ли? (Не дождавшись ответа, продолжает.) Ладно, долго не задержу. Подводим итоги. Итак, программа-перечень вопросов, которые я, с вашего разрешения, берусь решать в процессе эксперимента. Первый. Кадровая и структурная реорганизация института.

(Удивленные и испуганные лица присутствующих, в том числе очнувшегося на короткое время Головина.) А что это вас всех так испугало?

Кранкензон. Иван Васильевич, а стоит ли такой корпоративный, где-то внутрисемейный вопрос выносить на столь широкий суд? А что, если какой-нибудь, простите, сбой системы? А мнение общественности в этом вопросе, профсоюзы, партбюро – как быть с ними?

Громовержцев. Насчет сбоя это уж вы, будьте добры, с Василием Васильевичем обеспечьте, чтоб их не было. Это будет и для вас некоторая проверка. А в целом, товарищи, небольшая встряска будет полезна и давно назрела в нашем «сонном царстве». С общественностью и партбюро мы этот вопрос согласуем. Не так ли, Софья Павловна?

Белкина. Конечно, конечно, Иван Васильевич. Партбюро всегда поддержит небольшую, как вы говорите, встряску. Уверена, она пойдет (гордо оглядев присутствующих) всем нам на пользу!

Громовержцев. Значит, будем считать, первый вопрос согласован. Переходим ко второму. Предлагаю следующую формулировку: «Сон новой формации, широкого народного применения». Согласитесь, что, наряду с достаточно узкими разработками закрытого профиля, нам давно пора уже создать что-нибудь и для, так сказать, народа. Есть у меня кое-какие идеи на этот счет. Вот думаю на эксперименте их окончательно отшлифовать и оформить. Что скажете, товарищи?

Белкина. Прекрасная программа, Иван Васильевич! И все в духе последних партийных указаний! Я целиком за!

Громовержцев (обращаясь к Кранкензону и впадшему опять в транс Головину). А вы, коллеги, что думаете?

Кранкензон. Конечно, раз все в духе партийных указаний, мы – за! Какой может быть разговор?

Эпизод 15с1. Лаборатория отдела спецсонтехники. Продолжение сна Веры

Вера (испуганно глядя на второго Головина). Ой! А это кто? Еще один Вася? Зачем так много? Мне хватит одного! (Обращается к первому Головину.) Это что, ваш брат?

Первый фантом (зло). Ну да, близнец: я – первый, он – второй. Приперся, черт бы его побрал! Что-то вы не так в пульте переключили!

Вера. Ой, как интересно! А почему второй? А почему приперся? Это, по-моему, не очень вежливо. Ведь это ваш родной брат! (Пылко.) Познакомьте меня с ним!

Второй фантом (тоже пылко). Верочка! Считайте, что мы уже знакомы! Я так мечтал об этой встрече! Мы чудесно проведем этот вечер и примем главное в нашей жизни решение! (Смотрит на Первого.) Если нам, конечно, не помешают!

Первый фантом. Вера Львовна, послушайте, дело принимает плохой оборот. Прошу вас, отправьте Второго куда-нибудь подальше. Ну, хотя бы к ней. (Показывает на барахтающуюся в кустах цыганку.) А меня отпустите на совещание, иначе у меня могут быть крупные неприятности! И вообще, кончайте все это. Когда нас двое, это опасно, очень! Нажмите вот эту кнопку – «стоп». Прошу вас!

Второй фантом. Верочка, дорогая, не слушайте его! Неужели мы упустим наш единственный шанс? Вы видите, какой это черствый, бездушный человек, как он относится к собственному брату! Прошу вас, отправьте лучше его куда-нибудь, и тогда я открою вам свое сердце! Оно так страдало без вас! (Становится перед Верой на одно колено и вручает ей пышную красную розу.) Примите этот символ моей любви!

Первый фантом. Вера Львовна, прошу вас, остановитесь! Не слушайте его!

Вера. Что вы все – Вера Львовна, Вера Львовна! Как на работе! И вообще, Второй нравится мне больше! Он такой милый! А вы... вы... отдохните где-нибудь.

Лихорадочно нажимает на пульте какие-то кнопки, и первый фантом медленно поднимается на верхушку стоящего рядом высокого дерева. В кустах раздается хохот цыганки.

Второй фантом (сквозь зубы, глядя на сидящего на дереве Первого). Вот и славно. Посиди, посиди там, братец. (Затем обращаясь к Вере.) Дорогая, у нас мало времени. (Показывает наверх, где Первый уже спускается с дерева.) Мои чувства к вам безграничны, но у нас мало времени! Предлагаю вам руку и сердце! Предлагаю стать моей женой! Вы согласны?

Вера. Вообще-то я любила вроде его (показывает на Первого), но он такой холодный, а вы... ведь вы – это почти он и нравиться мне даже больше! Вася! Я согласна! (Приближает к нему лицо для поцелуя.)

Второй фантом (отстраняясь). Любимая, у нас все еще впереди, но сейчас надо поспешить! Посмотри, этот тип скоро спустится и может все испортить! Предлагаю сейчас же оформить наши супружеские отношения!

Вера. Как? Сейчас? Здесь? Но как?

Второй фантом. Да, здесь и сейчас!

Показывает на пульте: нажми здесь и здесь. Вера нажимает на кнопки. Цыганка в кустах оказывается сидящей на стуле за столом и вместе с ним медленно приближается к ним. На ней строгий костюм, выражение лица серьезное. Духовой оркестр исполняет вдалеке свадебный марш Мендельсона.

Цыганка. Прошу брачующихся подойти и оформить их отношения по закону!

Вера и Второй фантом подходят, взявшись за руки, к столу, на котором появилась толстая книга Загса.

Василий Васильевич, согласны вы взять в жены Веру Львовну?

Второй фантом. Согласен, согласен, и как можно скорей!

Цыганка. Вера Львовна, согласны вы взять в мужа Василия Васильевича?

Вера в растерянности мнется.

Второй фантом. Ну же!

Вера. Согласна!

Какой-то общий вздох облегчения в кустах.

Цыганка (видя почти спустившегося с дерева Первого). Поспешите, поспешите, дорогие. Распишитесь здесь и здесь (подвигает к ним книгу Загса) и обменяйтесь кольцами.

На столе появляется пара колец. Вера и Второй расписываются и обмениваются кольцами. Вера хочет поцеловаться со своим теперь уже мужем, но он опять отстраняется.

Второй фантом. Потом, потом, дорогая. Дай теперь мне эту штуку. (Показывает на пульт, но Вера почему-то не отдает его ему.)

Первый фантом (спустившись с дерева, подбегает к ним). Брак недействителен! Брак недействителен! Не было свидетелей! Не было свидетелей! Отдайте пульт!

Вера в испуге роняет пульт. К нему одновременно бросаются оба Головиных и цыганка. Раздается сильный грохот. Закачались луна и деревья, с которых слетела стая ворон, крича: «Мы свидетели, свидетели, свидетели!» Пульт неожиданно опять оказался в руках у Веры. Стол, за которым сидела цыганка, трансформировался в какой-то летательный аппарат, а цыганка – в пилота за штурвалом. Оба Головиных схватились за аппарат и стали вместе с ним медленно подниматься вверх.

Второй фантом (кричит Вере). Прощай, любимая, отбываю в царство снов! Не грусти, в снах у нас все впереди!

Вера. Не хочу во сне! Останься наяву хоть один! (Подпрыгивает, хватая обоих за ноги, вместе с ними падает на землю и просыпается.)

Проснувшись, Вера видит мелькающие лампы пульта, звук сигнального зуммера. Ложе под ней вибрирует, все в дыму. В страхе вскакивает с ложа, срывает с себя шлем и убегает.

Эпизод 14д. Завершение совещания у Громовержцева

Головин отрывает руки от головы и, как бы проснувшись, с удивлением оглядывает всех присутствующих.

Громовержцев (недовольно глядя на Головина). Что это с вами сегодня, Василий Васильевич? Перетрудились, надо полагать. (Обращаясь к Кранкензону.) Ты, что ли, доводишь своих сотрудников до такого состояния? Не бережешь, не бережешь кадры, Сигизмундович. Смотри, возьмется за тебя охрана труда. Ладно, время закругляться. Итак, все силы на подготовку и проведение эксперимента! Назовем его «Тонкая фаза». Ответственный, он же председатель приемной комиссии, Кранкензон! В комиссию входят все присутствующие, кроме меня, естественно. Да, кто у нас в комиссии будет от заказчика? Ладно, этот вопрос я уточню кое с кем. Все! Софья Павловна, готовьте приказ.

Не забудьте, вы тоже член комиссии. Как представитель партбюро. Федор Сигизмундович, ты задержись, остальные свободны. (Белкина и Головин выходят.) Слушай, что это с Головиным? Я что – то не припомню, чтоб у меня в Спецсне кто-то вот так спал на совещании. Прав был все же Охрименко: есть такая проблема, как сон на работе, есть!

Кранкензон. Такого за ним раньше не замечалось. Что-то тут не то. Будем разбираться.

Белкина (заглядывает в дверь). Тревожный зуммер в вашем отделе.

Кранкензон. Ничего страшного, идут проверки по тестам. Ну, я пошел, Иван Васильевич.

Громовержцев. Давай, потом доложишь, что там у тебя. Кстати и про Головина сообщишь. Беспокоит что-то он меня последнее время.

Кранкензон выходит.

Эпизод 16. Кранкензон в своей лаборатории

Видит включенную установку ПСС, вибрирующее ложе, мелькающие огни сигнальных ламп, легкий дым вокруг.

Кранкензон. Какой кошмар! Как она посмела? Ну, племянница, ну, общественница! А я, шляпа, оставил ей ключ, инструкцию! Нет, ну кто бы мог подумать? Минуту. Зачем? Зачем она это сделала? Ведь это риск, такой риск! Ну, о риске она могла и не знать. Так, сейчас разберемся. (Нажимает какую-то кнопку, и из щели в пульте выползает фото Головина.) Ах, вот оно что! Вот кто предмет ее воздыханий! Нет, ты воздыхай. Воздыхай, черт тебя побери! Но использовать научную аппаратуру! Это, знаете... Да ладно тебе, сам хорош... «Верочка... Верочка...» Проверим, осталось у них что в памяти? (Нажимает кнопки, из пульта выползает перфолента. Читает запись в ней.) Это уже хорошо, «память» она не включила, и они ничего о том, что здесь произошло, не знают. Степень воздействия на Василия? Ого, шестая!

Да, это круто. Теперь понятно, что там в кабинете с ним творилось. (Неожиданно из пульта стала без команды выползать еще одна перфолента.) Постой, постой, это что еще такое? Ну-ка, ну-ка... (Читает запись на перфоленте.) Что за чертовщина?! (Вытирает вспотевший лоб.) Какие еще два Головина? Фантомы?! Материализовались и находятся где-то здесь?! Что-то мне не по себе. Кошмар! Мне еще не хватало здесь каких-то Васиных фантомов! Да еще целых двух! Нет, нет, этого не может быть! Чушь! Этого не может быть никогда. Никогда и все тут! А может, прав был Василий: с машиной что-то нечисто? И его крутило весь день, и мне как-то не по себе. Оставить ее пока в покое, что ли? Если не поздно? А может, монстр уже проснулся? Все, хватит об этом! Рюмка хорошего коньяка сегодня вечером, и к черту химеры! А вот с ростом молодых кадров, простите, номер не прошел. Пусть растут и процветают лучше

на общественном поприще. Так будет безопасней для всех! А тете объясним... нет, пожалуй, предложим самой кое-что в части роста! А ты (обращается к установке ПСС)... ой, простите, – вы. Простите, но вас нам придется перемонтировать!

Достает из пульта ключ, выключает. Все лампы гаснут. Гасит в лаборатории свет, поворачивается и выходит. В этот момент позади на пульте вспыхивают цветные лампы, образуя лицо сатира с кривой усмешкой. По лаборатории как дуновение прошелестело: «Это мы еще посмотрим, кто кого перемонтирует».

Какое-то время в лаборатории тишина и темнота. Затем в углу возникает странный свет, и из пульта установки ПСС выходят две полупрозрачные фигуры. Это Первый и Второй фантомы Головина из Веринога сна.

Первый фантом. Ну что, допрыгался, любовничек? Или кто ты сейчас? Жених, муж? Что прикажешь теперь делать? Это тебе не сон или эфир какой, это – явь, материя – сфера для нас непригодная. Что делать будем?

Второй фантом. Ты у нас первый, ты и думай. А я теперь женат, мне о жене, о семье думать надо. Вот скорей бы во сне снова с ней встретиться. Теперь мы нацелуемся и все прочее – вволю! Там, ты понимаешь, я не мог, не имел права это делать! А как хотелось!

Первый фантом. Вот этого я больше всего там боялся! Нет, Второй, не такой ей нужен муж. А отпустить нас отсюда может теперь только он сам – Хозяин.

Пролетая сквозь стену, исчезают.

Эпизод 17. Через неделю. Громовержцев в своем кабинете

Громовержцев. Не оставляет меня эта мысль. А может, правы они? Может, зря заварил я эту кашу и оказался сам в ней, да еще в роли подопытного? Эх, стал забывать золотое правило: не высываться без особой нужды! Ладно, дело сделано, теперь главное – все перепроверить самому и тщательным образом. Главное, за мной теперь сам Охрименко и все, что за ним стоит, а это сила. Так что вперед, «спящая гвардия»! Вперед-то вперед, а вот насколько надежна эта «сила»? Не сделает в случае чего стеклянные глаза, не скажет: «Знать не знаю и знать не хочу»? Что тогда? Второй выход, резервный! Вот что надо подготовить. И поскорей! (Раздается звук телефонного звонка. Снимает трубку.) Добрый вечер, Виктор Петрович! Да, да. Все практически готово. Через два дня приступаем. Все, как договорились, к Первому мая и завершим! Самочувствие? Нормальное. Как у космонавта перед запуском! Что? Приемная комиссия? Подобрана. Приказ издан. Все на месте. Что? Включить Свистуненко? Но приказ уже... Дополнить? Конечно, конечно, дополним, нет проблем! Благодарю, благодарю. Информация поступит сразу к вам. Всего доброго!

Эпизод 18. Охрименко в своем кабинете

После телефонного разговора с Громовержцевым рассуждает сам с собой.

Охрименко. Ну что ж, надеюсь, Иван Васильевич, в случае успеха ты не забудешь, ха-ха, кто у вас руководитель авторского коллектива. А если провал? Тогда прости, брат. Не обессудь, но я крайним не буду! (Откидывается на кресле, зевает.) Соснуть, что ли, часок? Пожалуй, отдохнуть не помешает. Постой, постой, у меня подарок тот лежит, как его, для принятия решений в тонкой фазе сна. Решений мне сейчас никаких не надо, а вот что там еще, посмотрим. Очень любопытно. (Достает из шкафа чемоданчик. Открывает его. Вынимает прибор, инструкцию. Читает.) Вот это, пожалуй, то, что надо. «Программируемый направленный сон». Разделы: «Производственный», «Семейно-бытовой», «Общественный»... нет, простите, сыт по горло. А вот это – «Приключенческо-исторический» – пожалуй, подойдет. (Вызывает звон-

ком секретаря. Та заходит, стоит у дверей.) Клавдия Петровна, до полседьмого меня ни для кого нет. Ни для кого.

Секретарь. Ясно, Виктор Петрович.

Выходит. Охрименко продолжает читать инструкцию.

Охрименко. Исторический период. Примем: от первобытного до наших дней. Продолжительность сна – один час.

Набирает программу на пульте управления. Надевает на голову шлем. Ложится на диван. Через несколько минут засыпает и видит сон.

Эпизод 19а. Сон Охрименко. Дикари

Виктор Петрович сидит у себя за столом в кабинете и работает. Внезапно в приемной раздается сильный шум, грохот и крики. С треском распахивается дверь и... к его ужасу, в кабинет врывается ватага первобытных дикарей в шкурах и с дубинками. Самый громадный из них, по-видимому главный, показывает на Охрименко и что-то гортанно кричит. Ватага хватается Охрименко, вытаскивает его из-за стола и на поднятых руках выносит из кабинета.

В приемной толпа испуганных сотрудников. Они что-то кричат, но вмешаться не решаются. Клавдия Петровна истерически звонит по телефону: «Милиция! Милиция! Охрана! На помощь, помогите!! Дикари похищают! Какие дикари? Откуда? Откуда я знаю, откуда и какие? Да нет, не артисты, настоящие дикари! Кого похищают? Самого! Самого Охрименко! Что? За такие шутки я буду отвечать? Караул!» Падает в обморок.

Дикари с криками и визгом бегом спускаются с лестницы и несут Охрименко к выходу. В какой-то момент стоящий на одном из лестничных пролетов Маркизов бросает ему чемоданчик и кричит: «Лови! «Тонкая фаза»! Может пригодиться!» Он ловит чемоданчик.

Большая пещера дикарей. В центре костер. Около него собрались старейшины во главе с руководившим похищением вожаком. Среди них суетится дикарь, кого-то напоминающий Охрименко. Узнать его не может, но чувствует, что тот настроен к нему враждебно. В некотором отдалении стоят и наблюдают за происходящим остальные члены племени. Среди них Охрименко обращает внимание на красивую молодую дикарку. Чувствует, что он ей не безразличен.

Двое дикарей подводят Охрименко к центральной группе. Вождь племени показывает ему на расположенные на большом плоском камне фигурки. Жестами и возгласами пытается объяснить их значение. Охрименко понимает, что фигурки в центре – это племя, в котором он находится, а расположенные по периметру – это различные угрожающие племени опасности: воинственные соседи, хищные звери, топкие болота. Далее вождь объясняет, и Охрименко уже достаточно легко понимает, что его принимают за великого колдуна, который должен дать совет, что делать племени в этой непростой ситуации.

Ему объясняют, что, если он поможет племени, его ждут богатые подарки, почести и высокое положение. Если же нет, то... Вождь разводит руками и показывает на стоящего рядом с ним громадного детину с дубинкой. Его недоброжелатель при этом улыбается и радостно потирает руки. Охрименко догадывается, что он – конкурент, колдун этого племени. Все выжидательно смотрят на него.

Какое-то время он в растерянности, но видит, что красивая дикарка делает ему какие-то знаки. Она показывает на чемоданчик, который он держит в руках. вспоминает о его назначении. Садится на высокий камень, достает из чемоданчика и надевает на голову шлем. Включает ручной пульт и некоторое время сидит с закрытыми глазами, напряженно вслушиваясь, какое решение подскажет ему эта штука на голове.

Слышит шепот: «Быстрота и натиск». – «Что?» – переспрашивает он. И снова, уже зло и сердито: «Быстрота и натиск. Да поспеши, черт побери!» Ему становится все ясно.

Резко вскакивает с места. Быстро подходит к камню с фигурками. Энергично переставляет их, сбрасывая часть на пол. Жестами и возгласами объясняет, как обезопасить племя от угроз: главным образом – заманивая враждебное племя в болото и натравливая одних диких зверей на других.

Все приходят в восторг и радостными криками приветствуют Охрименко. Местный колдун пытается возражать, но его быстро куда-то уносят.

По команде вождя дикари приносят для Охрименко шкуры, какие-то яства и большой, как ему кажется, золотой слиток. Затем подводят к нему группу молодых женщин, в том числе приглянувшуюся ему дикарку. Понимает, что теперь все они принадлежат ему.

Вместе с ними и всеми подарками шествует в отведенное ему в пещере помещение. Видит, что оно все больше напоминает ему его прежнее жилье и кабинет. На дверях кабинета надпись: «Главколд. Охр». «Главный колдун Охрименко», – догадывается он. Ход событий ему все больше по душе.

Выходит из кабинета на большой балкон. Внизу расстилаются необъятные просторы прекрасной первобытной природы. Будучи заядлым охотником, представляет, сколько здесь непуганой дичи. И никаких тебе лицензий, думает он в восторге. «Ну-с, обстановка создается нормальная, будем, товарищи, работать в первобытных условиях», – бодро восклицает он.

Небольшой инцидент возник в новой приемной. Неизвестно откуда появившаяся его бывшая секретарша Клавдия Петровна спорит за место с занявшей секретарский столик одной из дикарок. Инцидент быстро решается путем установки второго столика.

«Нелегкий был денек, пора и отдохнуть», – говорит Охрименко и направляется с красавицей-дикаркой в один из своих пещерных апартаментов, где находится его спальня. Она имеет вполне современный вид, если не считать, что все постельное убранство состоит из шкур. На них и падает, предварительно сбросив с себя шкуру, красавица-дикарка. Охрименко устремляется к ней, но останавливается, услышав раздающиеся поблизости сильный шум и крики.

Через короткое время в его пещеру-спальню врывается группа людей в средневековых доспехах. Один из них, по-видимому главный, показывает на Охрименко и кричит: «Это он! Взять!»

На этот раз он пытается оказать сопротивление, но тщетно, силы не равны. Теперь ему искренне жаль покидать и новую обитель, и положение, которого он здесь достиг, и особенно красавицу-дикарку. В какой-то момент именно она бросает ему с криком: «Держи, твой тонка фаза» его чемоданчик.

Эпизод 19Б. Продолжение сна. Во дворце у герцога

Средневековые воины поднимают Охрименко и бегом несут через пещеру, где другие рыцари, наставив пики на дикарей, удерживают их от вмешательства. Охрименко успевает заметить, что, в то время как многие дикари, упав на колени и воздев руки к небу, горько сожалеют об утрате, его конкурент, старый колдун, радостно отплясывает какой-то танец. Лицо его очень кого-то напоминает, но и теперь Охрименко не может вспомнить, кого именно. Далее, урывками, следует бешеная гонка в закрытой карете в сопровождении двух молчаливых стражей, и вот он во дворце герцога.

Посреди большого зала на троне сидит герцог, очень напоминающий одноименный персонаж из оперы «Риголетто». В некотором отдалении толпа придворных. Странно, но лица многих из них напоминают ему лица дикарей, у которых он был недавно. Рядом с герцогом несколько приближенных. Среди придворных замечает даму, очень похожую на предыдущую красавицу-дикарку. Он видит, что она исподтишка делает ему приветственный знак рукой, и это сразу улучшает его настроение. Герцог поднимает руку. Все смолкают. Обращается к Охрименко на ломаном русском языке.

Герцог. Милостивый сударь, я пригласил вас, прошу прощения, не совсем обычным способом, по совету моего мага и звездочета.

Он щелкает пальцами, и к ним приближается некий субъект в длинном плаще и темных очках. Несмотря на этот наряд, Охрименко почти узнает в нем конкурента-колдуна из стана дикарей.

Мой маг сообщил мне, что только вы, обладая каким-то волшебным аппаратом, можете дать совет по выходу из любого, даже крайне затруднительного, положения. К великому сожалению, я в настоящее время нахожусь именно в таком положении, в связи с чем и оказался вынужден прибегнуть к вашей помощи, которую как я надеюсь, вы не откажетесь мне оказать. Кстати, в противном случае вы сами можете оказаться в еще более затруднительном, чем я, положении. Но ближе к делу. Итак, мои условия. В случае если ваш совет будет удачным и позволит решить мои непростые проблемы, я назначу вас главным магом, звездочетом и прорицателем. Эти высокие должности обеспечат вам сразу следующую привилегию: содержание в размере две тысячи золотых талеров в год. Поверьте, это очень приличная сумма. Еще я жалею вам поместье с усадьбой, услугой и прочими атрибутами. В части прочих утех (смеется и кивает в сторону известной дамы), думаю, у вас их будет предостаточно! Новое положение потребует нужного титула. Вам будет пожалован титул барона. При этом придется изменить для соответствия нашим условиям ваше имя. Как вам, например, вот это – барон Витория де ля Охримиус? По-моему, неплохо.

Охрименко. Непривычно, но я привык, куда партия направит... ах, нет, это не совсем тот случай, но ничего, поработаем в новых условиях. Думаю, и этот опыт может пригодиться. Вот, правда, не знаю: как товарищи воспримут титул барона? А кстати, что ждет вашего мага, когда я займу его пост? Не хотелось бы иметь недоброжелателя в вашем окружении.

Герцог. Об этом не волнуйтесь. Мы решим его судьбу таким образом, каким сочтем нужным. В части каких-то, как вы их называете, товарищей, мне представляется, их мнение в данном случае не играет никакой роли. Но продолжим условия, которые я ставлю перед вами. Возможно, они не покажутся вам столь привлекательными, как первые. Итак. Все перечисленные мной привилегии могут быть получены вами только после успешной реализации вашего совета, который я надеюсь сейчас услышать. И последняя небольшая деталь. Если ваш совет не оправдывает моих ожиданий, то, как это ни прискорбно, я вынужден буду передать вас в руки вон того господина.

Герцог берет Охрименко под локоть, подводит к окну и показывает пальцем вниз. Там, посреди небольшой городской площади, возвышается эшафот. На нем, с топором в руках и в красной маске, стоит палач. Увидев герцога, склоняется в легком поклоне. Охрименко сразу становится не по себе.

Охрименко. Нет, нет, ваше высочество или величество, как там вас, так мы не договаривались! Не надо мне ни ваших денег, ни поместья, ни титулов! Будьте здоровы, решайте ваши проблемы, а я, пожалуй, пойду. Где тут у вас выход? К дикарям направлюсь, там безопасней!

Герцог щелкнул пальцами, и около Охрименко сразу оказались два воина с пиками.

Герцог. Можете называть меня просто – сир. И еще. Вы, вероятно, не вполне правильно оцениваете ситуацию. Я не нуждаюсь в вашей согласии. Для вас существует только два выхода. Или вы выполняете то, о чем я вас прошу, или... (Кивок в сторону окна.) Не думайте, что я такой кровожадный, – напротив, но знаете, надежней дело, когда за спиной такой субъект. (Опять кивок в сторону окна.) Итак, приступим.

Снова щелчок пальцами – и тут же слуги молча приносят маленький столик и два стула. На столик кладут старинную карту. Герцог садится на один из стульев и жестом приглашает Охрименко сесть на другой. Тому ничего не остается, как принять приглашение и сесть.

В этот момент он замечает, что известная дама, отчаянно жестикулируя, пытается что-то ему сообщить. Наконец понимает, о чем идет речь: исчез его чемоданчик. По-видимому, в тот

момент, когда герцог подводил его к окну. Сознывая, к каким ужасным для него последствиям это может привести, вскакивает со стула и с криками: «Мой чемодан, где мой чемодан?!» мечется по залу, вызывая смех присутствующих. Наконец слышит голос герцога: «Успокойтесь, сударь! Не иначе, это проделки моего шута. Негодник, немедленно отдай нашему гостю его коффэр»!

Гримасничая и подпрыгивая, появляется шут. Это тот же субъект, который ранее был представлен в качестве мага и звездочета. Теперь он уже в шутовском наряде, но по-прежнему в черных очках. В руках его чемоданчик, который он подбрасывает и ловит. Герцог смеется вместе со всеми, потом говорит: «Как видите, мой маги звездочет по совместительству еще и шут. Приходится, знаете ли, экономить на штатах. Временные трудности. Но ничего, с вашей помощью, надеюсь, скоро я решу все проблемы!» И уже строже, обращаясь к шуту: «Ну же, быстро!»

Шут под общий смех бросает со словами: «Лови свою голову» чемоданчик Охрименко. Тот ловит его и, уже не выпуская из рук, садится на стул за столиком напротив герцога. Однако звинчен происходящим и с трудом понимает, что тот говорит.

Герцог. Вот мои владения. (Показывает пальцем по карте.) Вот владения моих трех вассалов. Этот был основным поставщиком продуктов для моего двора и рекрутов в мою гвардию. Неделю назад, подло нарушив подписанный со мной договор, перешел под руку другого суверена, переманив солдат из моей гвардии! Во владениях вот этого вассала бунт его подданных, и он не только не в состоянии платить мне подать, но и требует от меня помощи в подавлении бунта, что я обязан по договору делать, но не имею для этого сейчас ни сил, ни средств. Третий, самый богатый, требует, чтобы я отдал ему в жены свою дочь и объявил своим наследником! А это совершенно не входит в мои планы! Его величество, августейший король и мой покровитель, готов оказать мне военную помощь и навести порядок у моих вассалов, но при условии, что я выплачу ему за это полмиллиона талеров. Таких денег у меня нет. Единственный, кто мог бы ссудить мне такую сумму, мой банкир, из иноверцев. Несколько дней тому назад сбежал в неизвестном направлении. Положение мое, как видишь, не из простых! Ты должен понимать, какие надежды я возлагаю на тебя, и очень надеюсь, что ты их оправдаешь! Что же, приступай! С нетерпением жду твоего совета!

Охрименко. Ситуация у вас действительно такая, что хуже не бывает.

Герцог. Это я и без тебя знаю! Приступай!

Охрименко. Минуту, сир! Сейчас приступим. Во время сеанса магии прошу присутствующих соблюдать тишину и спокойствие!

Открывает чемоданчик и с ужасом видит, что он пуст. Минуту сидит в трансе, потом видит свой шлем на голове, а пульт в руках шута. В таком виде шут отплясывает с какой-то дамой замысловатый танец. Антенки на шлеме изгибаются в такт танца.

(Кричит диким голосом.) Си-и-ир! Моя аппаратура!! Да что же это такое!! Что он себе позволяет??

Герцог. Спокойно, сударь. Вы просили коффэр, вы его получили. О содержимом речь, кажется, не шла. А потом шут, знаете, есть шут. Его задача смешить нас любым способом, и ему многое прощается!

Охрименко (яростно). Что значит спокойно?! Нет уж, простите!! Речь идет о моей голове, и я не намерен ее терять ради шуточек шута и общего веселья. Во время чумы!

Вскакивает из-за столика, опрокидывая его, бросается к шуту, пытается сорвать у того с головы шлем и кричит: «Ах ты, гад!! Под топор меня подвести хочешь?! Ну, шут... твою... маг! Сейчас я тебе покажу!»

Смятенье, крики, шум в зале. К Охрименко бросаются стражники, но внезапно все заморают. Издалека слышен все нарастающий строевой топот сапог.

Дверь в зал с шумом распахивается, в него строем входит группа вооруженных винтовками и одетых в современную военную форму людей. Во главе высокий мужчина в штатском.

Придворные испуганы. Стража с пиками наперевес бросается к вошедшим, но герцог, подняв руку, останавливает ее.

Руководитель группы. Спокойно! Всем оставаться на своих местах! Никому ничто не угрожает. (И затем к Охрименко.) Виктор Петрович, мы за вами!

Охрименко (радостно). Ура! Я знал, что Родина меня не оставит в беде, я ждал вас, товарищи, всегда и везде! Нет, вы подумайте, до чего распоясались эти феодалы, угнетатели трудового народа! Предлагаю поддержать восстание у этого, как его, ну, второго вассала! Пора свергать этот прогнивший феодальный строй!

Эпизод 19с. Завершение сна Охрименко. На родине

Руководитель группы. Виктор Петрович, нам надо поспешить! С вассалами пусть сами разберутся. Ситуация непростая. Фактор внезапности проходит. Быстро отходим! Применять оружие не имеем права!

Охрименко. Аппаратуру мою у их мага не оставить бы! Да и его, гада, прихватить стоит!

Руководитель группы. Аппаратура у меня! (Поднимает руку, в которой держит шлем и пульт.) Мага прихватим в следующий раз. Вперед!

Группа захвата и Охрименко выбегают из дворца, мчатся через город и оказываются на поляне, где невдалеке стоит вертолёт. Подбегая к нему, видят, как из города вслед за ними мчится конница герцога. В последний момент успевают подняться на борт самолета и взлетают.

Охрименко (обращается к руководителю группы). Куда летим, командир? Кому обязан своим спасением?

Руководитель группы. В Москву. Там вас уже ждут. Остальное без комментариев.

Вертолёт приземляется на одном из подмосковных аэродромов, там два черных ЗИЛа и группа хорошо одетых людей, среди которых Охрименко узнает Маркизова. Все радостно приветствуют Охрименко, садятся в машины и мчатся в Москву. Рядом с Охрименко в машине сидит Маркизов.

Маркизов. Как видите, Виктор Петрович, мы не оставили вас в беде! Такими людьми, как вы, у нас не разбрасываются! Конечно, в вашей истории еще много чего непонятного. Но ничего, спецорганы разберутся, и кое-кто предстанет и ответит за то, что с вами случилось!

Охрименко. Ладно, я и сам хочу кое с кем разобраться! Ты мне лучше скажи, что тут у вас творилось в мое отсутствие? Надеюсь, меня еще не списали в резерв?

Маркизов. Что вы, что вы, Виктор Петрович! Вас не только не списали в резерв, а даже совсем наоборот! За два месяца вашего отсутствия (Охрименко. Ого!) произошло немало интересных событий. И что характерно, все они связаны с вашим именем! Метод принятия решений «Тонкая фаза» имел оглушительный успех и признан как у нас в стране, так и за рубежом! Очень рад, что именно я могу первый поздравить вас с высоким назначением! В Москве теперь будете служить, Виктор Петрович! В самой Москве-матушке! Надеюсь, и вашего покорного слугу не забудете?

Охрименко. Что за назначение? Говори толком!

Маркизов. Новым министерством будете руководить, Виктор Петрович! Признано целесообразным не пускать применение метода «Тонкая фаза» на самотек и упорядочить на его базе принятие всех ответственных решений. Создано МППР – Министерство принятия правильных решений! Приказ о вашем назначении уже почти подписан. Ждали только вас! Сомнений на этот счет никаких нет. Во-первых, вы возглавляете авторский коллектив, создавший этот уникальный метод, во-вторых, обладаете громадным авторитетом как руководитель крупной областной парторганизации!

Охрименко. Не мешало бы и моим мнением по поводу назначения поинтересоваться. Скажу тебе по совести, эта «Тонкая фаза» меня там достала. Хотел хоть здесь отдохнуть от нее. Так нет! Ладно, поехали. Посмотрим, что за министерство для меня здесь приготовили.

Маркизов. А мы уже и приехали. Прошу!

Выходят из машины у подъезда большого высотного здания. На фронтоне надпись: «МППР». Около входа группа встречающих, среди которых Громовержцев, генерал и загадочная личность в темных очках, черном кожаном плаще и шляпе. Странно, но многие лица из встречающих его опять очень похожи на лица людей, которые были в стане дикарей и свите герцога.

Знакомьтесь, Виктор Петрович, руководящий состав вашего министерства. Старый наш знакомый – Громовержцев Иван Васильевич, теперь он ваш первый зам. Начальники главных управлений.

Представляет начальников главков разных отраслей промышленности, транспорта, сельского хозяйства и других. Затем генерала, который руководит управлением принятия решений по оборонным вопросам.

Последним представляет загадочную личность в черных очках.

А это, Виктор Петрович, самое закрытое, наисекретнейшее управление. Разведка, безопасность и все такое.

Охрименко (обращаясь к Маркизову). Ну а ты, Анатолий Феофанович, какой занимаешь или хочешь занять у меня пост?

Маркизов. Как всегда, Виктор Петрович, ваш референт. Всего лишь референт и ничего более!

Охрименко. Ну, референт так референт! Пойдем, референт, посмотрим на мое министерство. Прошу вас, товарищи!

Охрименко, Маркизов и все остальные входят в здание и поднимаются в расположенные на разных этажах служебные помещения отраслевых главков. Каждое помещение представляет собой длинный зал, с двух сторон которого находятся ряды прозрачных боксов-кабинетов. В каждом кабинете сидит в кресле и спит оператор. На голове его шлем устройства «Тонкая фаза», связанный проводами с установленным на столе прибором. Вдоль боксов бесшумно перемещаются самоходные кресла с сотрудниками в синей униформе. Прозрачные малогабаритные лифты проносятся между этажами. Находящиеся в них сотрудники одеты в красную униформу.

Маркизов (дает пояснения). А это, Виктор Петрович, внутри- и межотраслевые контроль и связь, необходимые для взаимной увязки принимаемых решений. Все действует четко и оперативно! (На следующем этаже операторы в кабинах в белых халатах.) Наше медицинское ведомство! Быстрый и точный диагноз. Выработка лечебных рекомендаций и методов. В первую очередь, конечно, проходят заказы пятого управления. Уже имеются поразительные результаты. Спасено несколько безнадежно больных ответственных лиц, после чего объем заявок резко возрос, и сейчас стоит вопрос о расширении этого ведомства.

На предпоследнем этаже операторы в военной форме.

Генерал. Моя епархия, Виктор Петрович. Думаю, в комментариях не нуждается.

Охрименко чувствует гордость от сознания важности и масштабности своей новой должности. Теперь все главные решения в стране будут приниматься под его руководством! Под наплывом этих чувств обращается к присутствующим.

Охрименко. Итак, товарищи, первое знакомство состоялось. Министерство успешно решает поставленные задачи, и это главное. Но успокаиваться на достигнутом мы не будем! Завтра же собираем коллегия и рассмотрим... для начала качество принимаемых правильных решений в управлениях легкой промышленности и сельского хозяйства. Выше качество правильных решений – вот наш главный лозунг! Пока все свободны. (К Маркизову.) Кроме тебя.

На последний этаж Охрименко поднимается вдвоем с Маркизовым. Дверь в зал закрыта. Около нее загадочная личность в темных очках и шляпе.

Охрименко хочет открыть дверь, но убеждается, что она заперта.

Охрименко (сердито). В чем дело? Что это значит?

Личность. Прошу прощения, но формально вы не являетесь еще министром, и вход сюда для вас пока закрыт.

Охрименко (к Маркизову, гневно). Это как понимать, референт? Вы что мне голову морочите?! Министр я или нет?!

Маркизов. Не волнуйтесь, Виктор Петрович! Приказ на подписи и уже почти подписан. Единственная маленькая зацепка – отсутствие визы третьего управления. Вас просят подъехать сейчас к ним и разрешить это небольшое недоразумение.

Охрименко подъезжает на машине к третьему управлению. У входа его встречают двое рослых мужчин и проводят в один из кабинетов. В кабинете полумрак. Плохо различим сидящий за большим столом сотрудник. Хорошо освещены стенографистка и кресло, куда приглашают сесть Охрименко.

Сотрудник. Виктор Петрович! Простите, но нам надо уточнить некоторые моменты вашей биографии.

Охрименко (благодарно). Уточняйте.

Сотрудник. Во время вашего недавнего пребывания в местах... э-э... достаточно удаленных от родины. Короче, там, откуда вывезла вас спецгруппа, обнаружены факты, которые, скажу прямо, нас очень и очень озадачили. Во-первых, во время пребывания в одном из доисторических первобытных племен, периода где-то между неандертальцем и человеком предсапиентного типа, вы заняли пост главного колдуна, по имени... минуточку... (заглядывает в записи) по имени Охр! То есть занялись попросту надувательством и одурманиванием простых первобытных трудящихся! За счет чего сколотили неплохой капиталчик, завели гаремчик... Согласитесь, что уже один этот факт не очень красит вашу биографию. А дальше – больше!

В средневековый период, выбрав окончательно шарлатанство своей главной профессией, вы поступили на службу в качестве мага к некоему герцогу. Там согласились принять участие в подавлении крестьянского восстания у одного из его вассалов. За это вам были обещаны многие блага и привилегии и даже титул барона, по имени... э... э... (опять смотрит записи) по имени барон Витория де ля Охримиус. Таким образом и произошло перерождение товарища Охрименко в барона Охримиуса! Это, господин барон, уже не просто перерождение и измена революционным идеалам! Здесь уже явный контрреволюционный душок! Конечно, в свете этих фактов не только не может идти речь о каких-то министерских постах, но по отношению к вам должны быть сделаны и более глубокие оргвыводы!

Охрименко (хрипло). Это что за чушь?! Это кто посмел исказить так все факты?! Покажите мне этого гада и провокатора!

Сотрудник. Извольте выбирать выражения! Мы не позволим оскорблять наши лучшие кадры! Источник информации вам хорошо известен и находится сейчас здесь!

Охрименко оглядывается и видит в затемненном углу личность, в которой узнает колдуна у дикарей и мага-шута у герцога. С криком «Ах ты, гад – провокатор! Сейчас я тебе покажу!» он бросается на него. Тот выскакивает в дверь. Охрименко бросается за ним. Они бегут по коридорам и лестничным пролетам. Позади слышны топот, крики «стой» и милицеские свистки.

Постепенно шум погони затихает, и Охрименко все больше осознает, что находится в помещении родного обкома и бежит по направлению к своему кабинету.

Наконец он и преследуемая им личность вбегают в приемную. Обстановка там очень напоминает ту, которая была при похищении его дикарями: группа растерянных сотрудников

и истерически призывающая по телефону на помощь милицию Клавдия Петровна. Преследуемый вбегает в его кабинет. Охрименко – за ним. И видит...

За его столом сидит и смеется Громовержцев. В руках у него шлем и пульт «Тонкая фаза». Протягивая их Охрименко, Громовержцев, смеясь, спрашивает: «Ну, как, вам Виктор Петрович, мой подарочек?»

Охрименко просыпается.

Эпизод 20. Охрименко в кабинете, после сна

Встает с дивана, снимает с головы шлем и некоторое время удивленно смотрит на него, переживая увиденное во сне.

Охрименко (держа в руках шлем). Н-да... Неплохой подарочек, Иван Васильевич, ты мне преподнес. Серьезная вещь. Поосторожней надо с ней, да и с тобой, наверно, тоже. После такого сна есть над чем подумать. Концовка явно не в мою пользу. Ну что ж, будем делать выводы. А эту штуку мы на всякий случай уберем. (Прячет в шкаф чемоданчик с аппаратурой. Подходит к двери, приоткрывает ее.) Клавдия Петровна, Маркизова ко мне!

Садится за стол. Через некоторое время в кабинет заходит Маркизов.

Маркизов. Вызывали, Виктор Петрович?

Охрименко. А ты что так поздно – и еще на работе? Дел много, что ли?

Маркизов. И дел много, и предчувствие, знаете, что могу сегодня вам понадобиться. Интуиция, наверно.

Охрименко. Хорошая у тебя интуиция, ничего не скажешь. Слушай, ты не обижайся, но откуда у тебя фамилия такая – Маркизов? Происхождение – рабоче-крестьянское, а фамилия какая-то дворянская? В тридцатых у тебя могли бы быть большие неприятности.

Маркизов (обиженно). Виктор Петрович, ну я же объяснял неоднократно где надо. Предок у меня из крепостных. Ну, играл в театре у помещика всяких там фон баронов, маркизов. Кличку Маркиз там и получил.

Охрименко. Да ладно, ты не обижайся. Кстати, кто выше маркиз или барон, как ты полагаешь?

Маркизов. Однозначно не скажешь, Виктор Петрович. В разных условиях могло быть по-разному. Вообще маркизы – эти больше во Франции, а бароны в Германии в основном водились.

А что это вас геральдика или средневековые заинтересовали? Могу подготовить более точную справку по этим титулам.

Охрименко. Да нет, это я так. Я вот о чем с тобой хотел поговорить. Ты знаешь, наверно, через пару дней Спецсон проводит тот самый эксперимент. Я вот думаю все, а не подзалетим мы вместе с ними «под фанфары», куда-нибудь «не в ту степь»? Предприятие, как ты знаешь, очень режимное, выполняют работы чрезвычайной важности и секретности. А тут какая-то фантастика, да еще неизвестно, как она сочетается с нашей идеологией. Самой передовой в мире! А мы у них получаемся в качестве щита, на всякий случай. Нет, не так прост Громовержцев, как кажется.

Маркизов. Виктор Петрович, я предлагал подстраховаться, помните?

Охрименко. Да помню, помню я. Может, ты и прав. Только туда (показывает пальцем наверх), я думаю, еще рановато. А вот наших местных следопытов подключить не помешает. Свистуненко слабоват, это ясно. Белкина, что у них сейчас за секретаря парткома... ну сам понимаешь, да еще в прямом подчинении у Громовержцева. Давай вот что. Поговори, от моего имени естественно, с генералом Трофименко. Пусть подключит к этому делу людей из своего управления. Но аккуратно, без шума, чтоб комар носа не подточил. Понял? Да они знают, как это делать. Вот так и подстрахуемся, а там дальше видно будет.

Маркизов. Все ясно, Виктор Петрович. Завтра с утра этим делом и займусь.
Охрименко. Ну все, давай, потом доложишь, о чем договорились.
Прощаются. Маркизов уходит.

Эпизод 21. Приемная НИИ Спецсон.

Предпоследний день проведения эксперимента – 30 апреля 1980 года

Стол секретаря Белкиной заставлен аппаратурой. На двери кабинета директора Громова большая плакат с надписью: «Идет эксперимент. Вход всем строго воспрещен». Входит Софья Павловна. Подходит к двери кабинета директора. Прислушивается. Нервно ходит.

Белкина. Титан, мученик науки. Третий день экспериментирует над собой. Мои нервы уже на пределе! Таким надо ставить памятник при жизни! Нет, мы не должны, не имеем права безучастно смотреть, как рискуют наши корифеи! Решительно подниму этот вопрос на партбюро!

(Подходит снова к директорской двери и снова прислушивается. Из-за двери раздается громкий храп.) Отлично! Все идет нормально! (Подходит к столу с аппаратурой, смотрит какие-то показания, берет микрофон громкоговорящей связи и говорит) Внимание! Внимание! Говорит центральный контрольный пункт главного эксперимента. Идет третий день. Аппаратура функционирует нормально. Медико-биологические параметры Ивана Васильевича Громова в норме! С наступающим вас праздником, товарищи!

Включает радио. Громко звучит мелодия: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля...» В окно врывается солнечный свет. Все пронизано радостной предпраздничной атмосферой. Белкина подхватывает песню: «Кипучая, могучая, никем непобедимая...» Звонит телефон. Уменьшает звук радио. Берет трубку.

Алло! Спецсон слушает! Кто, кто? Редакция газеты «За нашу науку»? Да-да. Очень приятно. Что? Нет, мы не принимаем корреспондентов и не даем интервью! Извините, без исключений. Кто я? Член руководства! Конкретней? Что такое треугольник, знаете? Ну, так я – главный угол! Какой? Партийный, естественно. Извините, но у меня дела. Всего доброго! (Вешает трубку.) Кого нам сейчас не хватает, так это каких-то корреспондентов.

Садится за стол, прихорашивается, продолжает что-то напевать. В комнату влетает Головин. Взлохмачен и взволнован.

Головин (почти кричит). Софья Павловна, мне позарез надо к шефу! (Кивает на дверь директорского кабинета.) Поймите, это чрезвычайно важно! Мое время истекает, и вы не представляете, какое великое научное открытие может погибнуть, если я не проведу вовремя этот эксперимент!

Белкина (встает из-за стопа и быстро подходит к двери директорского кабинета). Отчего же, Василий Васильевич, очень даже представляю! Эксперименты у нас всегда на первом месте! Я вот здесь тоже, как видите, не в куклы играю! А вам, ворвавшись сюда, не мешало бы, между прочим, и поздороваться с дамой!

Головин (нервно). Ах, простите! Низко кланяюсь! Мое почтение! Премного благодарны! (Пытается открыть дверь в кабинет.)

Белкина (отталкивает Головина от двери кабинета). Вы что, товарищ Головин, совсем с ума сошли? Не видите, что здесь написано? (Показывает на плакат на двери.) Идет важнейший эксперимент! Государственного значения! Никто, слышите, никто не войдет сюда до его окончания! Если надо, я стану грудью у этих дверей! (Надвигаясь грудью, оттесняет Головина от двери.)

Головин(понура отступая). Да, перед этим наука бессильна. Так гибнут великие идеи!

Белкина (смягчаясь). Ну что ты причитаешь? Если надо, борись, но делай это как положено. Вот придет Сигизмундович, он твой прямой начальник, и решай с ним все вопросы! А то все прямо к самому. Да еще в такой момент!

Головин. Понимаете, Софья Павловна, у меня с Кранкензоном по этому вопросу принципиальные расхождения, так что... Эх!

Машет рукой и уходит. Звонит телефон.

Белкина (снимает трубку). Алле! Спецсон слушает. Виктор Петрович?! (Радостное подбострастие.) Слушаю вас внимательно, Виктор Петрович! Товарищ Кранкензон? Только что вышел. Эксперимент? Идет успешно! Весь коллектив как один человек напряженно следит за его ходом! Понимаем, какой прорыв в науке! Что? Приятная новость? Подарок к Первомаю? Выделяете три автомобиля! О, это замечательно! «Волга» Ивану Васильевичу, персонально! О! Это так заслуженно! «Жигули» – рабочему, передовику производства. И «Запорожец» – ИТР. Это будет такая радость! Большая благодарность вам, Виктор Петрович! Оправдаем ваше доверие! Ответим ударным трудом! Всего доброго! (Вешает трубку.) Ну, начнется теперь свалка с этими машинами.

Снова звонит телефон. Снимает трубку.

Алло, Спецсон. Добрый день! Как же я могу не узнать первого секретаря райкома? Конечно, узнала, Кузьма Иванович! Настроение? Прекрасное, предмайское! Завершаем завтра эксперимент. Наш праздничный подарок стране! Мое участие? Самое прямое. Член комиссии! Сейчас дежурю за центральным пультом! Надеюсь, что мое участие оценят где надо! Что? Дополнить программу? Но, Кузьма Иванович, у нас председатель – Кранкензон! Без него как-то... Что? Именно без него? Считать партийным поручением? Конечно, конечно! Получит потом широкое применение по стране? Решается вопрос кардинального подъема сельского хозяйства?! Дух захватывает! Я записываю. (Берет бумагу и ручку.) «В порядке эксперимента «Тонкая фаза» решить с использованием аппаратуры НИИ Спецсон следующую практическую за дачу: НИИ Спецсон выделяет с третьего мая восемь человек на пятую овощную базу для сортировки овощей сроком на две недели, с четвертого мая также выделить десять человек на прополку в колхоз «Светлый путь» сроком на три недели». Внести в программу и позвонить вам? Приступаю. (Вешает трубку, затем печатает что-то на клавиатуре настольного прибора. Снимает трубку, набирает номер.) Кузьма Иванович, ваше задание выполнено, но, может, все-таки сообщить Кранкензону? Когда надо, узнает? Всего доброго.

В приемную входит и ждет окончания телефонного разговора ее племянница, Вера Львовна. В руках держит какой-то список.

Белкина. Садись, что у тебя?

Вера. Праздничные наборы, тетя! Шикарный набор, прямо циковский!

Белкина. Ну-ну, так что там?

Вера. Палка московской колбасы, полкило масла, три банки шпрот, две банки кофе, коробка бабаевских конфет, два кило апельсинов... да еще эта... кура венгерская!

Белкина (встает, ходит по комнате, затем садится напротив Веры). Ну, до циковских наборов тебе еще далеко. Так кура венгерская, говоришь?

Вера. Ну да, эта... импортная.

Белкина. Вот что, кура венгерская! Мы вчера долго говорили по телефону с твоей матерью. Два года, как ты здесь. Давай, Верунь, спокойно посмотрим на перспективы. Научная карьера, если честно, тебе не светит. Кстати, что ты там натворила у Кранкензона? Могли быть большие неприятности! Еле я его уgomонила. Хорошо, что он ко мне неровно дышит. По общественной линии у тебя порядок, но что дальше?

Вера. Куда вы клоните, тетя? А что должно быть дальше? Я догадываюсь. Мне мать все уши прожужжала! Прекрасный выход и решение всех проблем – удачно выйти замуж! Еще – что годы идут и шансы тают. Что, не так?

Белкина. Ты смотри, какая грамотная! Ну, так! А что ты об этом думаешь?

Вера. Вы, тетя, прямо быка за рога. Предположим, я согласна. Но за кого? Где он, этот муж? В нашем Спецне не мужчины, а спящие мухоморы.

Показывает на дверь директорского кабинета, откуда в это время раздается громкий храп.

Белкина. Ну, ты поосторожней, не тебе об этом судить! Здесь идет крупнейший эксперимент! Ладно. И что, так ничего ты у нас для себя и не присмотрела?

Вера. Да нет, есть один, но он какой-то замороженный! Кроме науки его ничего не интересует. Правда, сегодня ночью он был такой замечательный, и что мы с ним вытворяли!.. Дух захватывает!

Белкина. Что?! Что ты такое говоришь?!

Вера (смеется). Да нет, все это во сне, тетя! Наяву к этому Головину и на козе не поедешь!

Белкина. Ах, вот это кто! Знаю я твоего Васю! Недавно еще беседовали мило с ним здесь. А что, парень ничего. Чокнутый немного, это точно, со своими идеями, но ничего, это дело поправимое. Ну что ж, подумаем, что можно сделать.

Вера. А вы что, тетя, беретесь быть свахой?

Белкина. Кем быть, я решу сама! Все, милая, ты свободна. У меня много дел. За информацию спасибо. Я теперь хоть знаю, что к чему.

Вера. А набор?

Белкина. Запиши один.

Делает громче радио. Звучит мелодия: «Все выше и выше и выше стремимый полет наших птиц...» Открывается дверь, в приемную стремительно входит Кранкензон. Он в шляпе. Плащ расстегнут. В руках толстый портфель. Вид радостный. Столкнувшись в дверях с выходящей Верой, мрачнеет.

Кранкензон. Ах, Вера Львовна, Вера Львовна! Ваше счастье, что вы всего не знаете... А вообще благодарите вашу тетю! (Вера выбегает.)

Кранкензон обращается к Белкиной.) Софья Павловна, а это вам. (Лезет в портфель, достает оттуда немного помятую розу и вручает ей.) Вместе с моим глубочайшим почтением, которое уже переходит в более романтическое и загадочное чувство. Знаете, с таким таинственным, интимным оттенком.

Белкина. Ну, Федор Сигизмундович (взяв розу, смеясь), вы прямо с места в карьер. Наверно, весна так вот влияет?

Кранкензон. И весна, и еще эта радостная, праздничная атмосфера на улицах и везде! У меня с утра сегодня прекрасное, возвышенное настроение. Признаться, очень не хотелось бы, чтоб кто-нибудь мне его испортил. А с вами, Софья Павловна, у меня должен быть сегодня серьезный разговор! Хочу сделать вам одно интересное предложение. Но не здесь, в приемной. Такие разговоры, тет-а-тет, в приемных не ведутся. (Становится в позу, показывает рукой на кабинет.) Только там, в кабинетах-с!

Белкина (смеется). Ой, не смешите, Федор Сигизмундович! (Серьезней.) Но мне надо вам о многом сообщить. Масса звонков. Начальство очень интересуется ходом эксперимента! По всей видимости, на самом верху тоже. Я полагаю, здесь пахнет как минимум Госпремией! Да, еще нам выделяют три авто. Это сообщил Виктор Петрович. «Волга» персонально Ивану Васильевичу! И еще звонили из редакции газеты...

Кранкензон (перебивает ее). Ну вот, любезная, вы уже спускаете меня с неба на землю. Да-да, эксперимент и весь этот шум вокруг... Софья Павловна, прошу вас, поуправляйте здесь еще, самостоятельно. У вас это отлично получается, а мне крайне надо с полчаса тихо поработать. Полчаса, максимум час, меня нет, ни для кого. Затем доступ к моему телу будет открыт, и первая, кто его получит, будете вы, милая Софья Павловна!

Белкина. Получит что, доступ или тело?

Кранкензон. И то и другое! (Скрывается в своем кабинете.)

Эпизод 22. Кранкензон в своем кабинете

Что-то пишет, читает, размышляет вслух сам с собой.

Кранкензон. Типичная околонучная чушь! Но положительный отзыв дать придется. И что это начальство так стремится оступиться? Да все понятно. С должности, извините, можно и загудеть, а степень-это надолго, можно сказать, навсегда! Крепкий народ у нас, однако: все возьмет, что чин дает, да еще и сверху положит, до чего дотянется. Все, хватит с этим, перейдем к более приятным материям.

Нажимает кнопку звонка. В дверь заглядывает Белкина.

Белкина. Доступ к телу открыт?

Кранкензон. Только для вас! Прошу, милая Софья Павловна, поближе. (Встает. Подвигает кресло, в которое садится Белкина. Сам садится напротив.) Дорогая Софья Павловна! Эх, как-то по-казенному. А что, если по-дружески, без Павловны? Просто Софья. Нет, тоже не звучит. Начальственно и сухо. Нет-нет, не подходит! Вот если – Софочка! Вот это то, что надо. Когда мы наедине, в приватной, дружеской, так сказать, обстановке. Как ты считаешь? Мне кажется, отличная идея!

Белкина. Не слишком ли форсируете события, Федор Сигизмундович? Ведь мы, кажется, на брудершафт еще не пили?

Кранкензон. Ах да, конечно, как это я забыл об этой маленькой, но важной детали! Но нет проблем! Сейчас мы восполним этот пробел!

Открывает сейф, достает из него бутылку коньяка и два бокала.

Белкина. Нет-нет, Федор Сигизмундович. Не здесь и не сейчас. Я, знаете, не занимаюсь этими милыми шалостями, или легким флиртом, в кабинетах и вообще в рабочей обстановке! А это и есть ваше интересное предложение, о котором шла речь? (Видя немного растерянный и обиженный вид Кранкензона.) Ну что вы, простите, Федя, сразу надулись? Я ведь не сказала окончательно нет. Пока речь шла о месте и времени, а потом, видите, я кое-что приняла из вашего предложения.

Кранкензон (радостно оживившись). Вы совершенно правы! Абсолютно! На работе – ни-ни! Работа – это, знаете, такой храм, где э-э... где, как говорится, око видит, да зуб неймет! А вот мое предложение, о котором я сейчас вам расскажу, и решает эту задачу – совмещения, казалось бы, несовместимого! Итак, шутки в сторону, поговорим о моем предложении. (Неожиданно звонит телефон. Поднимает трубку.) Кранкензон слушает. Что?! Второй монтажник отказывается иметь дело с ПСС? Невозможно производить перемонтаж? Это почему, собственно? ПСС кусается?! Что за идиотские шутки?! Все, кончили этот разговор. Через полчаса я у вас, будем разбираться. (На минуту задумывается, затем обращается к Белкиной.) Прошу прощения... отвлекся. Знаете, Софья Павловна, странные что-то вещи стала выкидывать аппаратура после той Верочкиной самодеятельности. Очень странные. Ну хорошо, с Верочкой, в общем, все ясно, а вот о вас нам стоит подумать. (Кладет свою ладонь на ее руку.)

Белкина. О чем, собственно, речь? Что ясно с Верочкой и что за забота такая обо мне?

Кранкензон. Верочка выйдет замуж за Головина, в которого она так страстно влюблена, и все будет о'кей. А вот вам, Софья Павловна, остаться на всю жизнь в секретарях, с вашими, не примите за лесть, незаурядными данными? Ну ей-богу, обидно. И я не могу это вот так оставить! Совесть замучит!

Белкина (освобождает свою руку из-под его ладони, смеется). Неужто все дело в совести? И что же вы хотите предложить для моего спасения?

Кранкензон (с энтузиазмом). Предлагается следующая программа. Первое. Вы включаетесь в научно-творческий коллектив по разработке новой, очень перспективной темы: «Эротические сновидения и их влияние на психофизиологическое состояние супружеских пар». Научная группа, в составе меня и вас, выезжает для проведения экспериментальных исследований по этой теме куда-нибудь на юг, ну, скажем, в Крым. Есть там у меня один такой полузакрытый санаторчик. Директор – мой приятель... Премилое, знаете, местечко! Знаете что? А давайте прямо сейчас наметим дату этого мероприятия! Сейчас и решим, не откладывая в долгий ящик! (Берет настольный календарь. Листает его.) Так, сейчас у нас, считайте, май... А вот это, пожалуй, подойдет. Двадцать пятого июля. Зафиксируем официально. (Берет красный карандаш, пишет в календаре: «Отъезд по теме – Эр. сн.») Двадцать пятого июля выезжаем! Готовьтесь! Я слов на ветер не бросаю! Берем с собой аппаратуру – и в путь! Ну как?

Белкина. Ну прямо быстрота и натиск какие-то!

Кранкензон. Прямо скажу, работа нам предстоит напряженная. И еще, естественно, через некоторые условности придется переступить. Ради науки, конечно! Идем дальше. Второй этап. Накопив соответствующий экспериментальный материал, готовим по этой теме за год-полтора кандидатскую и с блеском, это я гарантирую, защищаем! Третий этап. Организуем новую лабораторию – «Эротические сновидения». Штат и деньги где надо я пробью. Руководитель лаборатории, естественно, Белкина Софья Павловна! Далее моя миссия в части научного сопровождения почти закончена, и вы выходите в открытое плаванье! Точнее, в почти открытое, ибо на всякий случай я всегда рядом, и по первому зову сердца... По-моему, блестящие перспективы! Вы согласны?

Белкина. Федор Сигизмундович, если отбросить все лишнее, а я, знаете, женщина практичная, вы предлагаете мне стать вашей...

Звонит телефон. Кранкензон поднимает трубку.

Кранкензон. Алло! Кранкензон слушает. Виктор Петрович? Я весь внимание! Да-да, насчет авто мне передали! Такой подарок! Приятный сюрприз для Ивана Васильевича после эксперимента! Ценим и благодарим! Что? Корреспондент газеты «За нашу науку»? Звонили нам? Мы не приняли? Минуту, минуту, Виктор Петрович, сейчас выясню. (Быстрым шепотом обращается к Белкиной.) Софья Павловна, что за корреспондент нам звонил?

Белкина (тоже шепотом). Звонили сегодня из редакции. Я отказала, естественно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.